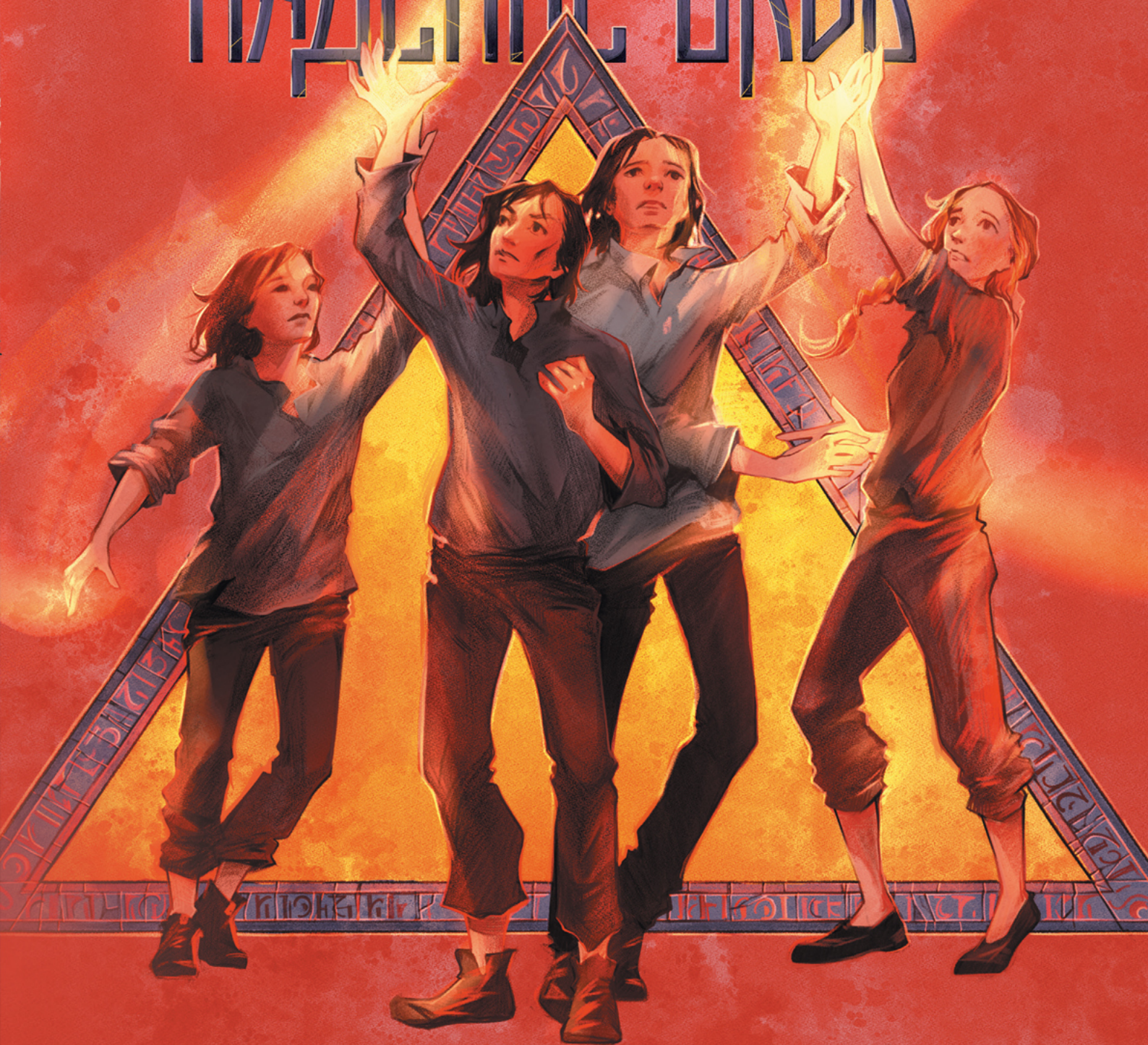

Екатерина Коробова

ПАДЕНИЕ ОКОВ

абрикобукс

иллюстрации
Юлии Биленко

Тайная дверь (Абрикос)

Екатерина Коробова

**Рубеж Стихий. Книга
4. Падение оков**

«Абрикобукс»

2025

Коробова Е. В.

Рубеж Стихий. Книга 4. Падение оков / Е. В. Коробова —
«Абрикобукс», 2025 — (Тайная дверь (Абрикос))

ISBN 978-5-6053871-9-0

Через весь континент на столицу идут войска себерийцев под предводительством Мика и Ярта, маленький воздушный флот Ласки и единотворцы на зверозубах во главе с Яха-Олой. Путь совсем не мирный – голод, пламя, разрушения, боль, невыносимый полевой быт, мародерство, страх, пепел. Все это надломило миролюбивую Рут. Ее отношения с Миком раскалены: она видит в нем только яростный карающий Огонь. Предел впускает мятежников, но он почти пуст: ни стражников, ни армии Аврума, ни сопротивления. Зато здесь герои наконец встретятся с Каем и Бартемом и узнают, что Дарина в плену у Воздуха. Конфликт Мика и Кая разгорается с новой силой, а вина последнего за себерийскую бойню становится невыносимой. И тем не менее им нужно продолжать путь вместе: освободить пленников Тюрем и саму Воду; искать ушедших на зов, надеясь, что среди них будет и Риккард – и что его сознание еще возможно вернуть. У Высокого Храма тоже разворачиваются непростые события: нужно оттянуть внимание Куницы и ее твари от поисков Дарины. Но госпожу главного цензора нелегко переиграть, ведь от ее острого, как бритва, разума едва ли удастся что-то утаить... В заключительной книге все пути сойдутся у Огненного грота, и грянет финальная битва. Но удастся ли до этого освободить плененные Стихии? А добраться до Знания, разгадать тайну Пятой и выполнить обещание, данное ей? И при этом выжить – или героев ждут новые потери? И что там – за последним рубежом, за погаснувшим пламенем войны?

ISBN 978-5-6053871-9-0

© Коробова Е. В., 2025

© Абрикобукс, 2025

Содержание

Пролог	9
Часть 1	11
1010 год от сотворения Свода, 20-й день третьего весеннего отрезка	11
1010 год от сотворения Свода, 24-й день третьего весеннего отрезка	17
1010 год от сотворения Свода, 24-й день третьего весеннего отрезка	20
1010 год от сотворения Свода, 24-й день третьего весеннего отрезка	23
1010 год от сотворения Свода, 24-й день третьего весеннего отрезка	31
1010 год от сотворения Свода, 25-й день третьего весеннего отрезка	34
1010 год от сотворения Свода, 25-й день третьего весеннего отрезка	39
1010 год от сотворения Свода, 30-й день третьего весеннего отрезка	48
1010 год от сотворения Свода, 2-й день первого летнего отрезка	51
1010 год от сотворения Свода, 2-й день первого летнего отрезка	53
1010 год от сотворения Свода, 2-й день первого летнего отрезка	55
1010 год от сотворения Свода, 4-й день первого летнего отрезка	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Екатерина Владимировна Коробова

Рубеж Стихий

Книга четвертая

Падение оков

© Е. В. Коробова, 2025

© Ю. С. Биленко, 2025

© ООО «Издательство «Абрикос», 2025

А знаешь ли ты, что может разрушить тюрьму? Любая глубокая и серьезная привязанность. Дружба, братство, любовь – вот верховная сила, вот могущественные чары, отворяющие дверь темницы. Тот, кто этого лишен, мертв. Там же, где есть привязанность, возрождается жизнь.

Винсент Ван Гог. Письма к брату Тео¹

...К любому исследованию, пожалуй, стоит приступать, начиная с истоков изучаемых событий. Сейчас, зная, к каким последствиям это привело, невозможно поверить, что завязкой всей немыслимой истории стало появление Рут в Дубах. Точнее, если быть вездливее, – решение генерала Рыся, которое он принял за несколько месяцев до заветного дня воссоединения Мика и Рут. Но все же то был пока лишь замысел, один только сделанный выбор – предать Аврума Тысячелетника, своего императора, и восстановить правильный ход вещей в Элементе. Искрой же, из которой разгорелся пожар, мне все-таки видится именно та секунда:

¹ Перевод П. В. Мелковой.

Рут, совсем еще юная, растерянная и напуганная, переступает порог Дубов и знакомится со своим настоящим даллом.

Искра становится робко тлеющим огоньком – и вот уже Дворы озаряются светом истинного творения, случайно возникшего во время учебного сражения в руках Рут.

Холодный ветер грядущих перемен усиливается, но пламя от него не гаснет, а лишь разгорается. Рысь и Элеонора, родители Мика, схвачены. Главный цензор Куница арестовывает все новых и новых мятежников. Мик и Рут вынуждены бежать в Себерию, но прежде они встречают Тима, бывшего когда-то одним из пары истинных даллов, и узнают о многовековом обмане Тысячелетников.

К ветрам, раздувающим костер, примешивается новый Воздух – предвестник предстоящих пепелищ. Дарина в Водных тюрьмах. Ей уже известна тайна о себе и Кае, ставшем ее надзирателем. Узнав правду от Дарины, он окажется на страшном перепутье, выберет послушаться своего отца Баста и спасти жизни – не только своей истинной далле, но и Лите, девочке-заключенной, для которой должен был стать палачом. Императорский советник Бартен тем временем ведет свою игру, до поры тайную – но в итоге его роль в происходящем невозможно переоценить.

Огонь, в котором суждено сгореть старому миру, распалется все больше и больше. В земле снегов и леса Мик и Рут решаются вести за собой войско в битве за Знание – ключ к воссоединению истинных даллов, но прежде Мику придется вырвать Рут из страшных лап медвежьей тройки.

Приближается кровопролитная война Элементы с Себерией, империю все больше охватывают мятежи, Стихия неумолимо ускользает, небо окрашено кроваво-красным заревом...

И вскоре под сводами древних ристалищ суждено загореться новому Пламени.

Из черновых записей Таины, сделанных во время работы в книгохранилище

Зима и начало весны того рокового года – одна из самых трагичных и черных страниц описываемой истории.

Хотя Кай, Мик, Рут и Дарина наконец оказались вместе, в сравнительной безопасности под крылом Даи в Себерии, достичь столь необходимого согласия у них так и не получилось. Я порой задумываюсь, скольких бед удалось бы избежать, научись они уже тогда доверять друг другу и действовать заодно! Могла ли, в сущности, череда последующих несчастий, повлиявших на судьбы сразу двух стран, брать начало в глупых мальчишеских ссорах? Доверяй Кай остальным, расскажи о том, что Майя очнулась и пытается выманить его за пределы Рубежа, прислушайся Мик и постарайся действительно прийти на помощь, а не нападать – как сложилась бы история Элементы и Себерии?

Впрочем, теперь рассуждать об этом и строить догадки совершенно бессмысленно. А правда же была такова: началась война. Кай, запутавшись в своем обмане, сперва ослеп, а потом и вовсе невольно выдал Майе расположение мирных жителей. И, считай, оказался повинен в трагической поверженности Себерии и смерти тысяч людей. Его изгнали из побежденной страны, и Дарина отправилась следом – снова в Элементу, но на этот раз – к далеким Острым Хребтам и Высокому Храму. Там истинные даллы надеялись отыскать разгадку тайны настоящего, не переписанного Свода.

Мик же, сойдясь в поединке с Аврумом, проиграл свою битву – и Рут лишь чудом удалось забрать его у таинственной Пятой, взамен пообещав непременно освободить ее. К тому же, несмотря на хитроумный план добраться до Предела с помощью битв в ристалищах, столь желаемая цель так и не была достигнута. Бартен обманул их: выяснилось, что Знание в книгохранилище никогда и не укрывалось и Мик с Рут прилетели в столицу, чтобы советник смог выкрасть истинный текст Свода, написанный на забытом языке – и оттого кажущийся совершенно бесполезным. Так для них двоих, едва успевших оплакать свои потери, началась новая долгая дорога – в легендарную Чашу Леса, к единотворцам, которые, по преданию, еще

помнили исин, а значит, могли найти след утерянной правды о том, как в действительности Тысячелетникам удалось прийти к власти.

Пути четырех истинных даллов, переплетясь было, опять разбежались – и все же им суждено соединиться вновь, на пороге следующей войны и решающей битвы.

Из черновых записей Тайны, сделанных во время работы в книгохранилище

Любому историку хорошо известно: важные дороги редко бывают прямыми, а судьбоносные решения – легкими. События рокового 1010 года, описываемые мной, не стали исключением. На смену страшной зиме пришла весна, а кровопролитной войне – краткая передышка перед новой чередой сражений. Пока же наступило темное время отчаяния и пустоты. Себерия пала, Знание так и осталось в руках Тысячелетников. Послание Рыся Мику о том, где искать Пятую, звучало как неразрешимая загадка, и оттого казалось, что Рут никогда не сможет исполнить клятву, данную взамен за спасение жизни Мика. Выкраденный из книгохранилища Свод никто не мог прочитать, потому что он был написан на давно позабытом исине. Каждый путь словно оканчивался тупиком.

Кай сделался изгнанником, ведь именно по его вине погибли сотни людей в сожженных краях. Вместе с Дариной и Бартемом он вынужден был бежать к Острым Хребтам, в Высокий Храм, не подозревая, что им предстоит обнаружить там бывшую тюрьму Пятой, а вместе с ней удивительную пленницу – уснувшую Стихию, Воздух, и разобраться, как именно распорядился когда-то доставшимся Знанием Эрест и какую роль сыграл во всем этом Бартемен. Вдобавок мастер, живущая при Храме, поможет Каю вновь обрести зрение. По роковому стечению обстоятельств Дарина, пытаясь освободить Воздух, попадает в темницу, откуда нет выхода. Бессильный ей помочь, Кай, спасаясь от прилетевшей к Храму Куницы, вернется с Бартемом в Предел, чтобы вместе с армией Мика попытаться уничтожить Водные тюрьмы. Мне порой странно думать, что в далеких, даже Праматерью забытых Острых Хребтах горстка растерянных людей, сами того не подозревая, решали тогда судьбу целого мира.

Мику и Рут сквозь множество препятствий удастся добраться до легендарной Чаши Леса, встретить там единотворцев и ушедшего когда-то на их поиски Лайма. Яха-Ола, древнее божество этого сказочного народа, призовет к себе Рут и наконец раскроет тайны о том, как Тысячелетники обманом пленили Стихию и прокляли Пятую. Богиня признается, что в действительности она – Земля, единственная из Четырех сестер, сумевшая сбежать от Тысячелетников и на долгие века спрятавшаяся тут, в сердце себерийского леса. Рут убедит ее окончательно пробудиться и примкнуть к войску, с которым Мик направится в Предел, чтобы освободить Воду и вновь сразиться с Аврумом. И опять лишь два человека – такие же юные, напуганные, но полные решимости – определяют историю Элементы.

В те дни все вокруг будто замрет в вымоленной у неба передышке, оплакивая свои утраты. И на Себерию с Элементом опустится тишина.

Но ей не суждено продлиться долго.

Из черновых записей Тайны, сделанных во время работы в книгохранилище

Пролог

1009 год от сотворения Свода, 30- й день второго летнего отрезка Элемента, Предел

Рысь

Из окна кабинета Рыся открывался прекрасный вид на сад, которым Дубы могли по праву гордиться. Дальний угол с покосившейся сторожкой, самый заброшенный и позабытый во всем поместье, отсюда, к счастью, замечен не был. Зато вишневая аллея, посаженная прабабкой Рыся, лежала как на ладони.

Он вернулся из Главного двора раньше, чем планировал, не сообщив о своем приходе Элеоноре и детям. И теперь наблюдал тайком за тем, что происходило перед домом.

Вечер был удивительно приятный: после полуденной жары небо затянуло редкими облачками, ветер принес долгожданную прохладу. Рысь с наслаждением скинул форменный китель на спинку стула и, встав у открытой рамы, даже расстегнул ворот и закатал рукава рубашки – миг короткой радости после столь непростого дня.

Пользуясь погодой, в сад вышли Мик, Лика с Лаской и гостившие сегодня в Дубах Мирра с Риккардом. Прельстившись вишней, небывало сладкой и крупной в этом году, и не подозревая, что за ним подглядывают, Мик сбросил обувь и забрался на одно из деревьев. С земли его подбадривали смешками и выкриками, и сын, счастливо улыбаясь, набивал карманы ягодами. Глядя на то, как он карабкается все выше и выше, ловко перепрыгивая с ветки на ветку, Рысь подумал, что Мик ведь с самого детства был таким – крепким и бесстрашным.

Значит, он справится. Не может не справиться.

Элеонора бы устроила Мику за эту выходку заслуженную взбучку – есть ведь риск упасть и разбиться, да и выглядел сын сейчас как суций варвар, а не как наследник генерала имперской армии... Рысю и самому стоило бы его окликнуть. Но он просто не мог себя заставить и только смотрел за тем, как Мик умело спускается с добычей и делится ею с остальными. На кухне наверняка сейчас стояли корзины вишни, заготовленные слугами, но ведь такая – сорванная самостоятельно и вопреки запретам, пусть и успевшая помяться, – в сотни раз слаще...

Ласка под звонкий смех и хлопанье Лики принялась объедать одну ягоду за другой так, чтобы косточка не падала с веточки, Риккард попытался помочь Мику творениями привести одежду в порядок и в итоге облил водой, Мик в ответ наслал шуточный огонь, погасший за секунду до столкновения со лбом Риккарда, Мирра взвизгнула от неожиданности и расхохоталась... И вот следующим летом Элеонора планирует свадьбу Мика и Лики? Этих двоих?

Впрочем, сам Рысь своим решением уготовил для них события куда серьезнее. Страшные, жестокие, несправедливые к ним, но необходимые.

Дверь за спиной тихо скрипнула.

– Я не слышала, как ты вернулся, – тихо сказала Элеонора. Она подошла и встала рядом. – Скажешь им сегодня, что Лике придется покинуть Дубы? Не поменял решение?

Рысь наблюдал за тем, как разошедшийся Мик на спор сделал стойку на руках. Научился таки. Хвостун. Лика, гордо улыбаясь, приобняла его за шею.

Рысь повернулся к жене. Элеонора смотрела почти умоляюще, закусив нижнюю губу. Он опустил руку ей на плечи и притянул к себе.

Под окнами раздался новый взрыв смеха. Сквозь облака выглянуло розовое закатное солнце, затопив своими лучами собравшихся в саду – таких юных, радостных, беззаботных.

– Думаю, один вечер ничего не изменит, – сказал Рысь, зажмурившись на миг. – Сообщим им завтра.

Часть 1

Из четырех созданных Тысячелетниками темниц Высокий Храм стал единственным строением, по-настоящему радующим глаз. Рубеж на вид казался почти не приметным; Тюрьмы ужасали одним только фактом своего существования; упрятанный среди раскаленных песков невзрачный Грот и вовсе не был делом человеческих рук. Но Храм, на окончательное возведение которого ушло больше десяти лет, – этот результат упорного труда творцов, сумевших заключить в его стенах Воздух, и архитекторов, разработавших эту немыслимую конструкцию, – Храм представлял поистине грандиозную задумку, в итоге великолепно воплощенную.

На территории Центрального континента – а может, и всего мира – ни до, ни после не удавалось повторить подобного сооружения. Некоторые историки утверждают, что на деньги, ушедшие на металл и стекло для Храма, в те времена небольшая страна легко могла существовать целый год. И в это несложно поверить.

Храм привлекал паломников со всей Элементы – устремленный к самому небу, тянущийся к вершинам гор, затерянный среди Острых Хребтов, великий, прекрасный. Единственная тюрьма из четырех, потерю которой – пусть и неизбежную – действительно хочется оплакать.

Отрывок из книги «Четыре Великие темницы» 1030 год по старому летоисчислению

1010 год от сотворения Свода, 20- й день третьего весеннего отрезка Элемента, путь к Пределу

Рут

Рут снова начало колотить.

– Ну сколько еще всему этому длиться...

Она остановилась посреди безлюдной улицы и сжала непослушные трясущиеся руки. Мик, шедший впереди, тяжело вздохнул и сбавил шаг. Раз за разом повторялось одно и то же.

– Мы не можем все бросить сейчас, – очень тихо и спокойно ответил он, не оборачиваясь. – Мы одинаково далеко и от Рубежа, и от Предела. Нельзя все отменить просто потому, что тебе так хочется. Вернуться будет так же трудно, как и достигнуть цели. И если нет разницы...

Рут закусил губу, чтобы совсем не разрыдаться, зажмурилась и кивнула. Слезы катились по щекам, и она поспешила их смахнуть.

Ей помнился этот город еще по прошлому путешествию от ристалища к ристалищу: здесь оно было совсем крошечным, чуть больше обычного жилого дома. С ними тогда поделилась кровом семья двух старичков – казалось, почти ровесников древней арены; они все время чуть слышно о чем-то перешептывались. Единственную кровать в заготовленной для гостей комнате уступили Ориону, а Рут с Миком пришлось уйти спать в салон корабля, чтобы не лежать на полу...

Город горел. Их окружали пепел, и жар, и выжженная земля, устланная лопнувшими стеклами. Рут давно сбилась со счета, сколько раз она видела подобную картину, – но каждый по-прежнему ощущался как первый. Сопричастность жестокости и разрушению вросла ей в кожу, сделалась уродливой заскорузлой чешуей – не избавишься и не скроешь.

Город сдался поспешно – и все же недостаточно быстро: пришлось применять силу.

В иных поселениях получалось без этого: очень скоро молва обгоняла их войска. Можно было почти не встретить сопротивления и даже найти единомышленников среди мятежников и увеличить число новобранцев. Или отделаться малой кровью. Или сразиться с людьми Аврума и победить.

Или же – худший из вариантов – поступить как сегодня.

Единотворцы, как обычно, разбили лагерь в предместьях города. Там же ждали и остальные бойцы – в надежде, что Рут с Миком удастся найти подходящее жилье. Хотелось хоть иногда проводить ночи не на земле под открытыми звездами.

И вот Рут с Миком медленно брели по опустевшей улице, слушая далекие крики. Им вдвоем было проще всего постоять за себя – так к прочим прибавилась еще и обязанность разыскивать дома для сна.

– Я не мог поступить иначе, – Мик взглянул на небо, ночное, но не потемневшее из-за зарева пожаров.

Рут остановилась.

– Тут пусто, – она кивнула на покосившееся строение с выбитыми стеклами. – Переночевать сгодится. А завтра пойдешь жечь новые города.

Мик замер. Она видела, как напряглись его плечи и спина.

– Да что с тобой творится?! Рут, когда кончатся эти истерики? Ты что, правда думала, что нас везде будут с распростертыми объятиями встречать? Рут, война не кончилась! Она даже и не началась еще толком... Мы в любой момент можем столкнуться не с испуганными жителями, не с городской стражей, не с бунтующей толпой, а с настоящей – настоящей, понимаешь? – армией Аврума. Тысячи людей – и мы выйдем против них. И если для того, чтобы сейчас сберечь наши жизни, жизни единотворцев, жизни тех, кто идет за мной, надо жечь и разрушать, – что же, выбор очевиден.

– А если от всего этого погибнет и Земля тоже? – Рут всякий раз безрезультатно обращалась к своему главному аргументу. – Ты же видел, с ней что-то творится...

Мик наконец остановился.

– Я слушаю это каждый день. Но ее никто не держит – да и кто бы смог? А она продолжает идти за нами. И это, – Мик кивнул в сторону пожаров, – и ее работа тоже.

– В том-то и дело.

Он обернулся и подошел ближе.

– Прости. Ты сама не своя с тех пор, как вернулась из Чаши. То бравады, то слезы на пустом месте... Рут, не время давать слабину. Клянусь чем только хочешь, мы сделаем что должны – и можно будет хоть месяцы напролет плакать. Давай, может, я провожу тебя к остальным и сам поищу? Посидишь с Лаймом у костра, успокоишься. Ну?

Рут достала из кармана скомканный платок и вытерла лицо.

– А этот дом тебя чем не устраивает? Здесь точно не нужно будет выяснять отношения с хозяевами.

– Он маленький. Грязный. И я вижу кусок комнаты через дыру в стене. Мне, может, не нравится, в какой цвет она выкрашена.

– Какой ты стал привереда.

– Обстоятельства вынудили.

– Тут, кажется, вся улица не лучше. – Рут шмыгнула носом. Боль и тоска потихоньку отступали – по опыту, ненадолго. – И ни души...

– Есть вероятность, что так и до нашего прихода было, правда? Смотри, вон тот вроде получше и поновее.

– А вдруг и в нем стены не такие?

– Всем нам сейчас приходится идти на жертвы, – Мик криво усмехнулся. – Я тоже устал, Рут. Я ничего не хочу сейчас так же сильно, как уехать самому и увезти тебя куда-нибудь очень далеко, зная при этом, что с нашими родными все в порядке. Я клянусь: в любом случае осталось немного. Эта история несется к концу, каким бы он ни был.

Дом не просто оказался не заперт – входная дверь отсутствовала. По углам лежали кучи мусора и опавшие листья, принесенные ветром: кажется, жилище покинули еще прошлой осенью. Если не раньше.

Пока Мик пытался справиться с огнем в опустевшем очаге, Рут нашла ванную комнату. Включила кран – и через несколько секунд полилась ржавая, дурно пахнущая струя, еще через полминуты сменившаяся чистой и прозрачной. Стихийный водопровод работал. Здорово было наконец умыться.

Рут вернулась в гостиную, где по стенам уже плясали веселые теплые отблески. Она усиленным волею постаралась прогнать подальше мысли о пожарах.

Мик сидел на корточках напротив огня и грел руки. Покосившимся, хлипким креслам он справедливо не доверял. Рут подошла и опустилась рядом, плечом к плечу.

– Вода тоже есть. Остаемся?

* * *

Они собрались за большим столом, удивительно хорошо сохранившимся по сравнению с остальной мебелью. Стулья искали по всему дому.

Мирра, теперь стряпавшая для всех, раскладывала по тарелкам ужин. Далеко в прошлом остались времена, когда Мик подшучивал над ее неумением готовить. Жизнь в Себерии их многому научила, и навыки Мирры выручали изо дня в день. Солдатам Ярта и единотворцам доставалась куда более простая и грубая пища, которую они сами варили для себя.

Рут разломила пополам картофелину и уставилась на нее. Еду они почти всегда добывали мародерством. Иногда мятежники предлагали свою помощь, но им редко когда было под силу прокормить такую толпу.

Мирра, собиравшая половником остатки со дна кастрюли, сказала:

– Я нашла в кладовой муку и крупы, но все зачервивело. Разжиться нечем.

Она припасла ужин Ярту и нескольким себерийцам, которые сейчас отдыхали и ночью должны были встать на стражу, и сама села за стол.

Последней в комнату вошла Ласка, занимавшаяся переправкой кораблей, и жадно накинулась на свою порцию.

Судов у них теперь ощутимо прибавилось. И их они тоже добыли по большей части не мирным путем.

Рут кусок в горло не лез.

– Поешь, – хмуро сказал Мик, глядя в свою тарелку. – Вкусно. Неужели с самого утра не проголодалась?

Рут кивнула. На самом деле в эту секунду ей больше всего на свете хотелось сонного отвара покрепче – и не открывать глаз до рассвета. Она знала: этим нельзя злоупотреблять, кошмары с каждым разом становились все тяжелее и мрачнее, она просыпалась в той же позе, что и легла накануне, с гудящей головой и совершенно разбитой, будто и не отдыхала вовсе. Да и запасы трав таяли слишком быстро, а пополнить их получалось не часто.

Но сегодня Рут точно нуждалась в подобных мерах.

Сидящие за столом тихо переговаривались, слышался звон посуды, ветер и далекий шум за окном. Рут ни на что не обращала внимания, только бездумно возила ложкой по дну.

– Рут, ешь, – повторил Мик, уже почти закончивший со своим ужином. – У нас нет возможности еще и с голодными обмороками возиться.

Рут подняла взгляд. Лайм, сидевший напротив, неодобрительно смотрел на них обоих.

Она поднесла ложку ко рту. Холодное, успело остыть. Мик, будто в ту же секунду почувствовавший это, протянул руку к ее тарелке – и над блюдом вновь поднялся пар.

Земля не знала холода. Только страх и боль.

Но Рут была больше Стихии, живущей в ней. И кроме страха и боли в ее душе было еще столько всего слабого, человеческого и настоящего. Например – благодарность.

– Спасибо. Так гораздо лучше.

И вправду ведь вкусно. И как только Мирра умудряется?

Мик невесело ухмыльнулся.

– Я уже и позабыть успел, каково это – слышать одобрение из твоих уст.

– И как?

– Все так же здорово, по правде говоря.

Рут и сама не заметила, как посуда опустела.

* * *

В душе Рут понимала, что действительно несправедлива к Мику: они огибали города, где только могли. Несколько раз их корабли пытались сбить – и они были вынуждены защищаться с воздуха. В одном поселке жители хотели напасть на стоянку зверозубов среди ночи и жестоко поплатились. Рут начинало тошнить при одном воспоминании о картине, открывшейся перед ними наутро.

Кораблям требовался Воздух, им всем – еда и отдых. И они брали то, что нужно; когда приходилось – силой.

Но с каждым новым городом Мик все больше хмурился, а взгляд Ярта делался задумчивее. Они готовились к встрече с настоящей армией, а ее все не было. Ожидание изматывало, вперед посылали разведочные корабли – но видели лишь полуопустевшие, разрушенные войной и бунтами города.

Когда только выпадала такая возможность, Рут прокрадывалась к Земле, зная, что Мик не одобряет эти визиты. После них ей действительно становилось особенно грустно и тревожно, но что-то непрестанно влекло приходить к Стихии снова и снова – и противиться у Рут не получалось.

Во сне ей виделись бесконечные черные смертоносные ленты, вплетающиеся в языки пламени. Крик застревал в горле, она открывала глаза, и темнота вокруг оказывалась совсем иной, понятной, привычной, берегущей сон. Но сердце колотилось все так же сильно.

В один из дней пришло неожиданное потепление, в котором слышались отголоски будущего лета – теплых дождей, жужжания пчел над цветущими садами, долгих светлых вечеров.

Рут с наслаждением вдохнула сырой нагретый воздух: они наконец-то приближаются к дому, как бы все ни сложилось дальше. Предел по-прежнему был их родиной, которую они, вынужденные скрываться и бежать, уже один раз потеряли.

Войско обошло по пути несколько поселков и остановилось на опушке леса, звонкого от нежной молодой листвы на ветвях. За ним начинались дальние предместья Предела.

Пока себерийцы и единотворцы разбивали лагерь, Рут отыскала Песню и, кинув на землю куртку, разместилась рядом с мохнатым собачьим боком. Она рассеянно запустила пальцы в густой мех и посмотрела наверх. Одинокая белая звезда уже горела прямо над головой в прозрачном сине-зеленом небе.

Мик вскоре нашел Рут и сел рядом.

– Дальше только Предел, – пробормотал он, тоже глядя наверх.

Похоже, лишь это и занимало все его мысли.

– Ну и хорошо, – Рут пожала плечами и выдернула из земли травинку. Поднесла к лицу – пахло сочно и остро. – Ты же туда и стремился.

– Да, но где противники? В прошлый раз нас двоих отыскиали – мы еще из Далеких Земель не успели выбраться. А теперь такая братия, – он обвел рукой лагерь, – пересекает весь континент, а сопротивления почти нет. Нет, Рут, это не сопротивление, – добавил Мик, видя, что она собирается спорить. – Лишь разрозненные попытки отдельных городов... Правда, это малая кровь.

– Значит, все случится в Пределе, – равнодушно ответила Рут.

Ей вдруг действительно стало невыносимо все равно. Она чуть откинулась назад, теснее прижавшись к зверозубу. Тот издал довольный утробный рык.

Мик с сомнением посмотрел на нее.

– Теперь безучастность, да? Для разнообразия? – в его словах чувствовалась плохо скрываемая желчь.

– Лучше рыдать? Если хочется, могу в любой момент.

Мик промолчал. Рут не отрываясь смотрела, как зажигаются новые звезды.

– Мне очень тяжело с тобой, – внезапно с полным спокойствием признался Мик, низко опустив голову. – Уже было трудно, тогда, в самом начале, но я ведь и не знал тебя совсем и с бараньим упрямством противился этому узнаванию. Но теперь-то... Расскажи, как мне себя вести? Я правда не понимаю. Нам надо тревожиться за всех этих людей, о том, как освободить остальные Стихии, как отыскать Пятую, как пережить грядущую битву... А я могу в итоге думать только о тебе. Я устал, Рут, – совсем тихо добавил он. И, помолчав, чуть слышно продолжил: – Это всегда ведь считалось очень большой платой, да? Оказаться привязанными вот так, до конца. Ты бы, наверное, будь твоя воля, никогда не выбрала такого, как я.

Она наконец отвела взгляд от неба и посмотрела на Мика. Очень легко было забыть во всей этой круговерти, что Предел не только оплот Аврума и Водные тюрьмы, но и родной дом, где они все росли. А Мик не одно лишь воплощение карающего Огня, за которым они все идут, но и просто человек.

И не напомнить себе об этом одинаково несправедливо к ним обоим – и к городу, и к даллу.

Рут осторожно опустила руки Мику на плечи, будто одеревеневшие от бесконечного напряжения. Зеленый вокруг ее пальцев был по цвету почти таким же, как догорающее небо на западе.

– Полегче? – почти шепотом спросила она.

– Вроде того, – Мик прикрыл глаза.

– Может, не пойдем сегодня в город? Тошно уже от этих развалин. Мне в прошлый раз с потолка свалился таракан прямо в тарелку, – Рут передернуло. – Ночь такая теплая. И звездная.

– А остальные? – спина Мика вновь выпрямилась.

– Остальные не дети малые. Разберутся как-нибудь один вечер.

– Если что-то случится... – не отступал Мик.

– ...они найдут способ тебе сообщить.

Рут чуть усилила творение. Здесь, рядом с полным радости весеннего пробуждения лесом, творилось невероятно легко, Стихия будто свободно текла через руки. Совсем иная, легкая, чистая, живая, ничуть не похожая на тяжелые, смертоносные творения Яха-Олы.

Мик едва не уснул. Рут прервалась и все же попросила его сотворить Огонь, который не погас бы до утра и не устроил бы пожара. Еще один чудесный навык, освоенный в дороге. Искра пришла и опустила голову Мику на колени.

Рут с Миком так и лежали, вытянувшись на земле и прижавшись к теплому боку Песни. Искра сонно сопела у самых ног. Пламя, созданное Миком, тлело едва-едва, но согревало, будто пышное пуховое одеяло.

Рут смотрела, как в вышине появляются все новые и новые созвездия, знакомые с детства. Наконец-то родное и ясное небо. Шум лагеря постепенно стихал, и дыхание Мика вскоре выровнялось. Где-то вдали – Рут не видела, но знала – Земля привалилась спиной к огромной разлапистой иве у лесного ручья и тоже прикрыла глаза. Даже боль и страх Яха-Олы сегодня немного отступили.

Может, и не будет больше никогда в их жизнях спокойных вечеров, подумала Рут, глядя, как через ночную синь летела одинокая птица.

Может, и не будет никогда иного дома для них, кроме вот этой тьмы и мимолетных бликов огня, сотворенного Миком.

Может – Рут повернула голову и посмотрела, как разгладились черты спящего далла в неровном свете костра, – и у них никого в целом свете не останется, кроме друг друга.

Рут отвернулась и моргнула. Звезды чуть покачнулись и задрожали. Веки делались все тяжелее.

Впервые за многие ночи она проспала до самого утра без единого кошмара.

***1010 год от сотворения Свода, 24-
й день третьего весеннего отрезка
Элемента, Предел***

Мик

Наконец-то не осталось никакого смысла таиться. Шум за спиной ощущался так, будто Мик сам после долгих дней молчания набрал полную грудь морозного хрусткого воздуха – и заорал что есть мочи.

Зверозубы бесновались, выли на все голоса, громко лаяли, их пытались перекрыть и усмирить единотворцы. Случайные прохожие с воплями разбегались. Без конца хлопали двери. Гролом в ушах отдавалась тяжелая поступь Яха-Олы. Однако Мик наслаждался окружающим диким, захватывающим звучанием.

Ему не знакома была эта окраинная бедная улица, за которой начинались сплошные пустыри. Некоторые города у самого Рубежа и то выглядели благоустроеннее. И все же отсюда до Дворов – меньше полдня пути.

Мик взметнул в небо столп искр. И еще один. И еще. Пусть знают: его армия тут и готова принять бой. Лучше так, чем оказаться застигнутыми врасплох среди ночи.

Мик вспомнил, как горели и рушились в небе корабли имперского флота. И послал пламя еще выше. Он выстоит и против десятка таких флотов. Ничего теперь не страшно.

Мик позвал мысленно Рут, будто вросшую в разбитую плитку под ногами. Далла подняла голову и взмахнула рукой, призвала на миг Землю – и низвергла на руины дома, обветшавшего задолго до их прихода, темный смертоносный каскад.

Грохот стоял оглушительный.

Они продвигались наугад, Мик отправил вперед несколько дозорных, ожидая за каждым поворотом встретить врага. Но те возвращались ни с чем: не было даже стражи. Несколько отчаянных безумцев, бросившихся на них с кулаками, напуганные бегущие горожане – и на этом всё.

Мик застыл на очередном перекрестке. Нехорошее тревожное чувство камнем застряло у самого горла. Он сплотнул и облизал пересохшие губы.

До Рут, стоявшей рядом, вновь было не докричаться.

Земля замерла за их спинами.

Ярт подошел и молча протянул нахмуренному Мику конверт. Адрес дома, где они должны встретиться с Каем.

– Тут, кажется, не так уж далеко, – сказал Ярт, перебивая несмолкающий шум. – Отпустим себерийцев и единотворцев на ближайший пустырь, он, считай, примыкает к особняку, а то зверозубы уже совсем сошли с ума. Устроимся там. Если нападут, у нас есть чем отбиваться.

Мик с сомнением покачал головой. Он уже однажды поверил в центральном книгохранилище, что путь к желаемому действительно может оказаться простым и безопасным, – и очень жестоко за это поплатился.

– Они будут рядом, Мик. Мы же не станем просто разрушать город в ожидании удара. Ты точно дал о себе знать.

Мик с трудом погасил новый Огонь, рвущийся из рук. Ему и самому не хотелось останавливаться. Он бежал отсюда в ужасе за свою жизнь, гонимый и обманутый. Вернулся, скрываясь под маской, и едва не погиб, еще и оказался марионеткой в чужих руках. И вот он снова

здесь – лишенный страха открыть свое имя и лицо, готовый отомстить обидчикам и наконец-то добиться желаемого.

Жар неслучившегося пламени обжигал Мика.

– Орион говорил, что это бывший дом мятежников, – подала голос Рут. Видно было, как она силится что-то вспомнить. – Он большой, и его сравнительно удобно оборонять. Прежних хозяев, кажется, казнили, и туда заселился кто-то из цензоров, но тоже вскоре оказался убит. Потом там обосновалась шайка воров, а во время их ареста пострадало много людей с обеих сторон. Затем заселилась семья мастеров связи, втянутых в... – Рут прервалась под взглядом Мика. – В общем, из глупых суеверий строение считается проклятым Четырьмя. И никто к нему даже приближаться не хочет.

Мик обернулся. Единотворцы верхом на тяжело дышавших зверозубах окружали разгневанную Землю, чей взор сейчас казался чернее ночи. За спиной Ярта себерийцы и присоединившиеся к ним мятежники крепко сжимали огнестрелы, готовые в любой момент отразить атаку. Мирра, задрав подбородок, стояла совсем рядом, глядя в сторону Дворов, и к ней сейчас подойти было страшнее всего. Над ними нависли тяжелые деревянные днища кораблей, в одном из них у штурвала сидела уставшая упрямая Ласка и – Мик точно это знал – ругалась под нос.

– Проклятый, говоришь? – Он усмехнулся. – Для нас – в самый раз.

* * *

Дом и правда находился совсем близко, Мику даже не пришлось себя сдерживать, чтобы не запустить в небо очередной столп пламени. Испуганные горожане, верно, позакрывались за своими дверями: улицы были безлюдны.

Новое прибежище оказалось настоящим особняком, непонятно как очутившимся на этой бедной окраине: ступени у парадного входа, колонны, два больших крыла, лепнина и фрески по стенам. Вокруг пустовало еще несколько зданий – расселиться с учетом лагеря на пустыре хватит.

Большинство изображений на фресках скорее угадывались, целых стекол почти не осталось, у входной двери отсутствовала створка. Сад разросся так, что и пробраться-то к дому было непросто.

Мик взмахнул рукой и выжег им путь. Отпустив единотворцев и Землю, они поднялись по раскрошившимся ступеням. Рут неосторожно занесла ногу и чуть не упала на спину, Мик едва успел ее подхватить.

– Ничего нового, – пробормотала она.

Действительно, ничего нового: дом по ветхости не отличался от тех, где им уже приходилось останавливаться на этом долгом пути. Разве что размером был ощутимо больше: бродя из комнаты в комнату, Мик прикидывал, как лучше разместиться. Тут всего хватало – спален, кабинетов, гостиных, столовых и тех было две. Когда-то здесь умели жить роскошно.

На втором этаже Мик подошел к окну, выходящему на унылый задний двор, заросший по углам бурьяном. Туда как раз в эту секунду опускались корабли. Мик дождался последнего и пересчитал: все добрались. Можно выдохнуть.

За спиной раздались шаги, Мик обернулся. Позади стояла Рут, уже успевшая переодеться в чистое.

– Непонятно, сколько нам тут быть, а воды нет. Хотела умыться, и не вышло.

– Придумаем что-нибудь.

Мик вновь обратился к окну и замер. За время, что они говорили, рядом с их кораблями успел приземлиться новый, незнакомый.

– Неужели... – Он был готов напасть первым.

Рут приблизилась и покачала головой.

– Нет, Мик. Этих гостей мы ждали.

Первым судно покинул Бартен. Весь лоск за время, что они не виделись, напрочь слетел с него. Простая рабочая рубашка измята, на щеках многодневная щетина, плечи опущены.

– Да лучше б это была вся армия Аврума, – процедил Мик. Огонь из его рук теперь рвался наружу еще сильнее.

Он так надеялся, что эта встреча произойдет гораздо позже.

– Они тут, чтобы помочь, – напомнила Рут.

Затем из корабля вышел Кай. Он шагал ровно, не опираясь ни на чью руку, словно зрение окончательно вернулось к нему, и в целом выглядел крепче, чем в их последнюю встречу в Себерии. Но выражение его лица было до крайности унылым. Он брел так медленно, что казалось, сейчас остановится и пойдет в другую сторону.

– А вот и герой, – Мику уже почти не удавалось сдерживать Огонь.

Сколько ни готовься к столкновению – все будет мало.

Больше из корабля никто не вышел.

– А где Дарина? – Рут и правда встревожилась. – И Лита?

– Сбежали от него, наконец? Не могу их за это осуждать.

– Мик, прекрати. Если они не прилетели, значит, скорее всего, случилась беда.

– Главная беда в жизни Дарины случилась, когда ей пришлось с этим гаденышем связаться.

Рут прикрыла глаза и глубоко вздохнула.

– Все высказал? Теперь пойдём. Встретим их.

Мик сжал кулаки.

– Некуда торопиться.

***1010 год от сотворения Свода, 24-
й день третьего весеннего отрезка
Элемента, Предел***

Рут

Когда они наконец спустились, Ярт как раз приветствовал Кая с Бартемом в большом зале, что примыкал к прихожей. За окнами гроыхала начавшаяся гроза. Рут с тоской подумала о том, в скольких комнатах тут наверняка протекает крыша.

– Я здесь пока больше не нужен, – едва кивнув в их сторону, сказал Бартен и скрылся за дверью, ведущей в жилые помещения.

– По-прежнему учтив, – Мик проводил его взглядом.

Кай смотрел в пол.

– Когда ты сможешь провести нас в Тюрьмы? – спросил его Ярт.

– Да в любой момент, – Кай по-прежнему не поднимал головы, обращаясь к потрескавшемуся паркету. С Миком и Рут он так и не поздоровался. – Если расположение охраны не сильно поменялось, даже отведу вас почти к любой камере. Но дальше что? Я потерял... – Он сглотнул. – Потерял Дарину, когда мы пытались достучаться до Воздуха. Если б знать хоть примерно, где именно искать...

Рут с замершим сердцем посмотрела на Ярта. В его взгляде, обращенном к Каю, читались горе и неверие.

– Она... – видно было, как мучительно Ярт подбирает слова. Голос его сделался совсем тихим. – Кай, неужели она погибла?

Кай вздрогнул, будто его ударили, даже назад немного отскочил.

– Нет, нет, нет! Я даже мысли такой допускать не хочу. Дар... Так и не объяснишь сразу. Думаю, слово «плен» – самое подходящее.

Ярт облегченно выдохнул, и Рут следом за ним.

– Воздух? – с грустным пониманием спросила она. Кай молча кивнул. – Меня саму Земля тоже не хотела отпускать.

– Ладно, – сказал Ярт. – Все это можно обсудить потом, в Тюрьмы сегодня никто точно не собирается. Нашим людям тоже нужен отдых. Завтра с утра вместе решим, что делать. – И он вышел из комнаты вслед за Бартемом.

Кай словно приклеился к полу.

– Раз в полгода теряешь по далле? Расточительно по нынешним-то временам, – сказал Мик, даже не пытаясь скрыть ехидство.

– Мои хотя бы все живые, – тихо ответил Кай и, судя по его виду, в ту же секунду пожалел о сказанном.

Он наконец поднял голову и проследил взглядом за рукой Рут, в этот миг крепко стиснувшей запястье Мика.

– Ну ты что, серьезно отныне собрался меня так приветствовать? В таком случае я – пас. Мне зубов не хватит на эти любезности.

Мик продолжал зло смотреть на него.

– Я ведь и ответить могу, Мик. Слепых-то всяко бить проще, я понимаю. Уж такой славный бой был – на незрячего напасть, да?

– Зрячий или нет, ты все еще такой же дохляк, от которого смешно слышать подобные угрозы. И сколько там твоей Стихии осталось без даллы...

Кай стиснул зубы.

– Мик, ради Четырех и Праматери, хватит! – Рут дернула его за руку. – Я поверить не могу, что мне действительно приходится это говорить, но, – клянусь! – если это будет продолжаться, ты тоже останешься без даллы. Будете разбираться на равных.

– На равных?! Ты серьезно? – с оскорбленным видом возмутился Мик.

– Ты правда сейчас только это и услышал?

– Слишком длинная фраза просто, – сочувственно подсказал Кай.

Рут тихонько взвыла.

– Ты, – она указала пальцем на Кая, – никого не задираешь. Ты, – она повернулась к Мику, – не лезешь с кулаками ни к кому в этой комнате. А еще лучше – ни один из вас не делает ни того, ни другого. У меня в голове не укладывается, что правда нужно объяснять подобные вещи. Если с этим тяжело справиться, то о каких Стихиях и Знании вообще может идти речь, а? Ну, или, может, уже сразу поубиваете друг друга, сэкономим время и себе, и Авруму, да?

– Друг друга? – вновь решил обидеться Мик.

– Да что же это такое?! Вы ведь оба не дураки, должны понимать, что так мы далеко не уедем.

– Оба? – непонятно было, нарочно Кай передразнивает недавние интонации Мика или действительно возмущен.

И Рут даже не знала, какой вариант ее бы сильнее опечалил.

– Пойдем, – она потянула Мика за руку. – Посмотрим, где можно разместиться. Непонятно, сколько еще нам тут предстоит пробыть, надо найти подходящие комнаты для сна. Я видела, что в одной спальне дыра в потолке...

– Умоляю, сдержи свой порыв разделить со мной одну спальню, ладно? – напутствовал Кай, обращаясь к Мику.

– Умолкни уже, а? – Мик не двигался с места. Рут ощутила, как накаляется воздух вокруг его ладони.

– Только после...

Терпение Рут лопнуло. Помещение озарилось зеленым светом. Обычно такое творение применяли целители, чтобы заглушить стоны страдающих от боли, – но и сейчас сгодилось отлично. Мик и не договоривший Кай ошарашенно уставились на нее, не способные вымолвить ни звука.

– Вы сами меня вынудили. Через четверть часа опять сможете говорить. Идем, Мик, ну же. Хватит с вас обоих.

* * *

Мик с самым возмущенным видом застыл посреди пустующей спальни. Рут старательно не замечала его настроения. Она осторожно опустилась на кровать, опасаясь, что та в любую секунду проломится.

– Одного человека, наверно, и выдержит, – она похлопала рукой по матрасу. В воздух взлетело облачко пыли. Рут громко чихнула. – Кушетка у камина тоже вроде довольно крепкая, для сна сгодится. Ярт, правда, успел обмолвиться, что тут в мебели водятся крысы, – она поморщилась. – Но я пока ни одной не замечала. Остановимся тут? Надо только что-то придумать с очагом...

– Никогда не делай так больше, понятно?! – перебив ее, отчеканил Мик, к которому наконец вернулась способность говорить.

– Надеюсь, у меня больше не будет повода, – спокойно ответила Рут.

– Не существует на свете повода так обращаться со мной! Да еще в присутствии этого...

– Человека, прилетевшего, рискуя жизнью, через всю страну, чтобы нам помочь?

Мик задохнулся от возмущения.

– Ты, моя далла, применила свои творения против меня! Ты хоть представляешь, насколько это унижительно?! А что, если и я начну вести себя так же?!

Рут опустила взгляд. Воздух вокруг сжатых кулаков Мика и впрямь налился багряным.

– Ну давай, – очень тихо ответила она, смотря Мику в глаза. – Начинай, что же ты?

Щеки Мика вспыхнули. Он взглянул на руки с таким недоуменным видом, словно они обладали собственной волей.

Рут продолжала пристально наблюдать за ним.

– Прости, – внезапно охрипшим голосом произнес Мик. – Пожалуйста, прости. Не знаю, что со мной творится. Это было ужасно. Недопустимо. Прости меня. Я какое-то чудовище.

Мик подошел и опустился рядом. Кровать опасно прогнулась. Он разглядывал грязные разводы на полу, не решаясь поднять голову.

– И ты меня прости, – наконец ответила Рут. – Клянусь, это был жест отчаяния. И беспомощности. Мне действительно уже начало казаться, что вы сейчас поубиваете друг друга. Ну не драку же мне с вами устраивать, правда?

Мик невесело рассмеялся.

– Я бы на это посмотрел.

– По-прежнему надеюсь, что повода все же не будет, – улыбнулась Рут. – Пожалуйста, Мик, услышь меня. Нравится тебе или нет – но мы с Каем сейчас в одной лодке. Ему и самому несладко от этого. И очень тяжело без Дарины, я уверена. Я понимаю, в тебе не найдется сочувствия после случившегося... Но рассудок-то твой по-прежнему при тебе, так? Просто холодная голова. Нам нужна помощь. Он готов ее предоставить. Все.

– Вот почему ты вечно оказываешься права, а? – Мик чуть выпятил нижнюю губу, и Рут в эту секунду очень ясно увидела, каким он был в детстве. – Сил уже порой никаких нет...

– Но и это тоже не повод меня поджигать. Ты уж сдержись как-нибудь, хорошо?

– Давай поскорее забудем все творения этого дня, случившиеся или нет, ладно?

Рут не успела ответить. Прогнившее дерево все-таки треснуло. Кровать под ними сломалась, и они оба очутились на полу.

***1010 год от сотворения Свода, 24-
й день третьего весеннего отрезка
Элемента, Предел***

Кай

Кай вернулся в комнату, в которую успел закинуть вещи, захлопнул дверь и попытался произнести хоть слово. Тщетно.

Зря он остановил выбор на первой попавшейся спальне. Только теперь Кай разглядел, какая тут царила разруха: оконные стекла разбиты, пустой книжный шкаф опасно покосился, на кровати один только матрас с торчащей из дыр набивкой, и меньше всего хотелось думать о происхождении подозрительных пятен на нем. Более-менее прочным казалось кресло у очага, но для сна оно все же мало годилось.

Кай легкомысленно бросил холщовую сумку на широком подоконнике и теперь горько раскаивался: недавний ливень промочил ее насквозь, и влага смешалась с грязью и пылью, лежавшими здесь повсюду.

Пришлось поскорее достать вещи и попытаться просушить их творениями: ткань нагрелась, вокруг нее образовались облачка` пара, но грязные разводы и кислый металлический запах никуда не делись. Кай раздраженно кинул одежду на спинку кресла. Придется чистить.

В сумке еще оставались книги, взятые из Высокого Храма. Акваппарат. И металлическая бабочка, которая, кажется, одна только не пострадала и плавно опустилась Каю на ладонь. Он бережно спрятал Даринин подарок в карман.

Акваппарат теперь, похоже, нужно было чинить. А страницы залило так, что они набухли, сделались волнистыми, а размытый водой текст – совершенно нечитаемым. Никакие творения не спасут.

Кай разочарованно пролистал книги и крепко сжал кулаки. Побег из Речных Камней, слепота, война, изгнание, исчезновение Дарины, дорога через весь континент в обществе Бартена, самый ужасный дом во всем Пределе, прием, который оказал Мик, усталость, недосып, дрянная еда, а теперь вот – книги, которые и прочитать-то до конца не успел.

– Да будь оно все проклято! Катись оно к ...! – вдруг громко, не стесняясь в выражениях, прокричал Кай. Он отшвырнул испорченные тома на пол, а потом еще и от души пнул, так, что они отлетели в угол. – Сил моих больше нет на всю эту ...!

Способность говорить к нему явно вернулась. И даже стало на какой-то миг чуть полегче.

За спиной раздалось тихое покашливание. Кай обернулся. В дверях стоял смущенный Ярт.

– Сложный день? – осторожно спросил он.

– Да вот весь последний год совсем не задался, ага, – Кай, чувствуя себя последним дураком, почесал в затылке. Он не решался встретиться с Яртом взглядом. Больше всего на свете в эту секунду мечталось последовать за собственными проклятиями. – Ты что-то хотел?

– Ну, в целом говоря, да. Тут, похоже, беда со стихийным водопроводом, а дело к вечеру, неплохо было бы приготовить поесть, и уборка бы точно не помешала, да и самим помыться... В общем, можешь взглянуть? Я знаю, тебя этому никогда не учили, но из всех нас за Воду – ты.

– Конечно, – сразу согласился Кай. Сам факт, что Ярт пришел к нему с просьбой, значительно улучшал этот непростой день. – Куда идти?

* * *

В подвальной комнате не было видно стен из-за густого переплетения труб. Тусклый свет из открытой двери едва позволял различить обстановку. Как и во всем доме, тут пахло сыростью и холодом, а еще – плесенью и забвением.

– Ни дать ни взять могила какая-то, – решился пробормотать Кай. Сюда они дошли молча.

– Сейчас, секунда. – Ярт зажег в ладонях слабый огонек. – Так лучше?

– Гораздо.

Кай плохо представлял себе, что нужно делать. Он опустил ладонь на одну из металлических деталей. Вода была здесь, совсем рядом, возможно, даже искала себе путь. Он слышал ее, попробовал призвать – но ощутил вдруг сильное сопротивление.

– Кажется, где-то случился засор.

– Охотно верю, – кивнул Ярт.

Десять минут спустя Каю наконец удалось определить место проблемы.

– Нашел. – Он обратился к Ярту: – Стоит прочистить, и должно заработать. Возможно, правда, еще придется подлатать, и напор будет не очень, но все же...

– Попробуешь?

Кай чувствовал ручеек, текущий в трубах далеко отсюда. Он попытался позвать и усилить его. И еще. Осторожно проложить ему путь через преграду из грязи и какой-то, как казалось Каю, липкой дряни.

Все вроде шло хорошо. Усиливающийся поток вымывал сор, освобождая дорогу. Ярл с улыбкой прислушался к раздававшемуся журчанию. Кай осмелел, радуясь удаче.

А потом труба лопнула.

Их с Яртом окатило застоявшейся водой, смешанной с грязью, невесть откуда взявшимися сгнившими листьями и всем тем, что скопилось в этих трубах за долгие месяцы.

– Прости, такому в Тюрьмах действительно не учили, – уныло признался Кай.

Он спохватился и остановил Стихию, чувствуя, как по нему стекают дурно пахнущие брызги. Некстати вспомнилось, в каком состоянии его сменная одежда, но вновь выразаться при Ярте Кай не решился.

Огонь погас, и на миг сделалось совсем темно, но потом дверь за их спинами отворилась, и по стенам запрыгали отсветы нового пламени.

Естественно – Кай удрученно подумал, что сегодня просто не могло быть иначе, – пришел Мик. Из-за его плеча робко выглядывала Рут.

– Отыскал себе новое развлечение? – Мик смотрел на Кая, в эту секунду доставшего из волос комок чего-то слипшегося. – По-моему, очень в твоём духе.

– Нет. Я готовил тебе сюрприз. Нравится? – Кай потряс головой и прочистил ухо.

– Нет, но тебе идет.

– Говорю же, для тебя старался.

Рут переводила задумчивый взгляд с одного на другого. Ярт молчал.

– Мик, что вы хотели? – наконец вмешался он.

– Мирра спрашивала, как дела с водопроводом: время готовить ужин. Ласка сказала, что вы, должно быть, тут. Пришли позвать – ну и... Похоже, нужна помощь? – Мик указал на потоп в комнате.

– Нужно залатать трубы, – согласился Кай. – Справитесь с Лаской? Тогда я пушу Воду.

«И смогу хотя бы смыть с себя всю эту гадость», – подумал он. И неожиданно приободрился.

* * *

Водопровод починили, но вот добиться теплой воды пока не удалось, и мыться пришлось очень быстро. После, стуча зубами, Кай поскорее натянул на себя всю одежду, которая у него только была. Огонь в камине почти не горел, но лучше уж терпеть холод, чем снова слушать зубоскальство Мика.

Кай устало опустился в кресло и запоздало понял, что так и не нашел, где спать. Сил совершенно не осталось. Из припасов, что у них были, Мирра умудрилась сготовить вполне сносный и сытный ужин, от которого Кая к концу долгого дня окончательно разморило.

Он честно признал, что уже не отправится ни на какие поиски кровати сегодня. В самом-то деле, как будто впервые придется спать сидя.

Кай находился на размытой грани между полудремой и бодрствованием, склонив подбородок на грудь, когда в дверь постучали.

«Если это опять Мик, то я, пожалуй, выпрыгну в окно, – обреченно пронеслось в голове. – Всего-то второй этаж, а там, быть может, и доберусь как-нибудь на попутных кораблях до Храма...»

– Войдите!

– Это я, извини, ты, должно быть, уже отдыхал. Я быстро, – на пороге вновь стоял Ярт.

Кай вскочил.

– Что-то случилось?

– Хвала Четырем, нет. Нынешнему дню и так хватило событий.

– Это точно.

Они помолчали. Под пристальным взглядом Ярта бредовая мысль выскочить в окно показалась удивительно удачной.

– Спасибо, что помог сегодня. Для человека, который в жизни не занимался починкой водопровода, получилось в итоге хорошо. Я, в общем, и пришел поблагодарить.

– Не за что. Я и сам рад был нормально поесть и отмыться.

– Да уж. Роскошь по нынешним временам.

– Не говори.

Вновь тишина. Кай решил поднять взгляд: Ярты все еще задумчиво смотрел на него. Впрочем, казалось, без разочарования или горечи.

– Я рад, что тебе вернули зрение. И мне очень жаль, что так случилось с Дариной.

– Спасибо. И я. И мне, – глупо повторил за ним Кай. Он не нашелся что еще добавить.

– И спасибо, что прилетел. Без тебя мы точно не справимся с задуманным.

– Ну а как иначе, разве же я мог не откликнуться, – смущенно пробормотал Кай. Ему сделалось очень стыдно за свое нежелание покидать окрестности Высокого Храма.

– В том-то и дело, – Ярты улыбнулся.

– Я не задержусь долго. Я должен быть там. С Дариной.

– Конечно.

– Послушай... – Кай замялся. – Твои люди. И я. Мне... – Он чувствовал, что совершенно не способен подобрать подходящие слова. Сонные мысли путались и расплзались.

Но Ярты все же понял.

– Тебе нечего бояться, пока я тут. Никто тебя не тронет.

– Ясно. Спасибо.

Ярты словно чего-то ждал. Кай молчал.

– Ну, я пойду. Доброй ночи, – наконец неловко произнес Ярты.

– Доброй.

Он уже развернулся, чтобы уходить, когда Кай выпалил в спину:

– Послушай, прости. Я так и не извинился тогда – толком и не заслуживаю прощения, но все же... Пожалуйста, прости меня. Клянусь, я не хотел произошедшего, никогда, ни секунды. Каждый день раскаиваюсь в случившемся. И отдал бы что угодно, лишь бы обратить время вспять, вернуться и исправить ошибки, лишь бы только не дать всему кошмару свершиться, лишь бы только предотвратить... Мне правда ужасно жаль! Не было и часа, чтобы я не искал способа хоть немного искупить вину. Это всего лишь слова, и они не вернут тех... – Кай подавился несказанным и закашлялся. – В общем, вот о чем я собирался с тобой поговорить. И поблагодарить за твое заступничество, Дарина сообщила мне о нем. Наказание куда большее, чем вы все решили, было бы справедливым.

– Но и жить с осознанием случившегося уже само по себе немалая расплата, да? – не оборачиваясь, спросил Ярты.

– Да. Стоит только прикрыть глаза, и... – Кай оборвал сам себя. Зажмурился. Действительно, достаточно с нынешнего вечера. Хватит. У человеческих сил есть предел.

– Доброй ночи, сынок. Я рад, что ты все-таки с нами. Отдыхай, наберись сил хорошенько. Впереди непростые дни.

– Спасибо, – оторопев на миг, пробормотал Кай, но Ярты уже вышел.

* * *

Утро выдалось до того унылым, дождливым и слякотным, что Кай, быть может, предпочел бы и вовсе не подниматься весь день. Во сне он видел Дарину – словно они летели вдвоем куда-то сквозь ливень, но безнадежно заплутали и никак не могли отыскать дорогу. Проснувшись, Кай долго всматривался в незнакомую комнату, пытаясь понять, где же он на этот раз очутился. Дарины тут определенно не было.

Постепенно пришло тяжелое и неприятное понимание, что внизу его наверняка уже ждут, чтобы продолжить начатый разговор о Водных тюрьмах. К тому же шея и плечи зверски болели от сна в кресле. Пришлось вставать.

Размявшись, чтобы хоть немного согреться, Кай поплелся в ванную. Умыться – в любом случае хорошая идея. Но стоило только выйти за порог комнаты, как он нос к носу столкнулся с Лаской.

Очень и очень сурово настроенной.

– Эм... Доброе утро? – Каю сложно было отделаться от неприятного ощущения, что Ласка с ночи поджидала тут.

– Итак, ты не уследил за Дариной, – прозвучал вместо приветствия приговор.

Кай подавил раздраженный вздох. Ему что, нужно обойти здесь каждого человека и лично оправдаться? За ужином он коротко обмолвился о случившемся и меньше всего на свете хотел развивать эту тему дальше.

Но Ласка явно не считала ее исчерпанной.

– Ты вроде работала вместе с ней несколько месяцев. Должна понимать, что не так с фразой «уследить за Дариной».

Ласка не улыбнулась и продолжила сверлить его нехорошим взглядом. Кай уже почти приготовился выяснять, не Мик ли ее подослал.

– Ну и где Стрела?! – спросила она наконец. – Ее ты тоже не смог уберечь? Какой от тебя толк вообще, а?

– Стрела по-прежнему у Высокого Храма, каждый винтик на месте. Клянусь тебе своим здоровьем, жизнью Дарины и всем Центральным континентом: на нее уж точно никто не позарится. Никогда, обещаю.

Ласка прищурилась.

– А Литу-то ты куда дел?

– Ну, знаешь, она на самом деле по-прежнему в нашем корабле. Привез ее обратно – вернуть в Водные тюрьмы, раз уж все равно по пути. Опомнился и одумался, так скажем.

В грозном выражении лица Ласки уже читалось что-то по-настоящему опасное.

– Если собралась со мной драться – занимай очередь за Миком. А теперь мне можно в уборную? Или допрос не окончен?

Ласка отодвинулась, освобождая путь.

– Я еще вернусь к этому разговору.

Кай вздохнул.

– Не сомневаюсь.

Он глаза разлепить не успел, а вот уже и первые угрозы.

День, похоже, предстоял шикарный.

* * *

Если бы месяц назад кто-то сказал ему, что он обрадуется обществу Бартена, Кай бы, наверно, счел собеседника безумцем. Но он и правда оказался рад. Среди собравшихся после завтрака за большим столом Бартен был единственным, с кем Кай чувствовал себя хоть немного в безопасности. Одно дело – глупые вспышки гнева Мика, которые Рут удавалось всякий раз успешно погасить, совсем другое – общество сурово настроенных себерийцев и мятежников, тоже, в силу прошлых занятий Кая, не слишком к нему расположенных.

Когда к остальным наконец присоединился Ярт, Каю сделалось хоть чуть-чуть спокойнее.

Следом за Яртом вошла Мирра и, единственная из всех, слабо улыбнулась именно ему, Каю. Память о страшных днях, когда они столько раз выходили сражаться плечом к плечу

против армии Аврума, видимо, все еще жила в ней. И в том, что случилось с Риккардом, Кай ни капли не виноват. Хотя бы в этом.

– Итак, – Ярт стоял, привычно опираясь руками на столешницу. Каю хорошо был знаком этот вдумчивый, серьезный взгляд. – Идти наугад в Тюрьмы, само собой, не имеет никакого смысла. Так ведь? – обратился он к нему.

Все головы повернулись в одну сторону. Кай заставил себя встать и смотреть прямо.

– Конечно, никакого. Если попытаться раздобыть записи о заключенных, которые ведут надзиратели, нам бы, может, хватило нынешних сил освободить ваших родных, – он посмотрел на Мика и Рут. Мик хмурился. – Но это ведь не то, чего вы хотите? То есть не только это, – тут же поправился Кай.

– Земля говорила с Рут. Дарина слышала Воздух. Быть может, Вода услышит тебя? – спросил Ярт.

Кай покачал головой.

– Можно попробовать, конечно, но ты сам подумай: с Землей ведь изначально все было иначе. Поблизости от Воздуха оказались мы оба, именно пара истинных даллов, и тогда она вняла нам. Я тысячи раз бывал в Тюрьмах и никогда не ощущал даже малейших отголосков. Думаю, Тысячелетники оставили возможность слышать Стихии истинным даллам, чтобы окончательно не утратить власть над Четырьмя. Но тут... – Кай набрал в грудь побольше воздуха, прежде чем продолжить. Необходимость повторять это раз за разом все равно отдавалась внутри тянущей болью. – Тут ведь я один. Возможно, Мик и Рут могли бы хотя бы попытаться? Ну вдруг каким-то чудом выяснится, что двум настоящим даллам будет достаточно очутиться рядом?

– Разумно, – не слишком охотно согласился Ярт.

– А наши родные? – тихо спросила Рут.

– Есть одна мысль... – неуверенно сказал Кай. Это соображение крутилось у него в голове с самого вечера, но он никак не мог решиться поделиться им. – Всего лишь идея. Смотрите: мы даже не знаем точно, у кого из тюремщиков нужные записи. Можно, конечно, обойти каждого и сразиться, но это займет порядочно времени. Очень много, честно говоря. И никаких гарантий при этом. Однако, – он видел, что Мик хочет перебить, и остановил его, подняв ладонь, – чтобы освободить узницу, можно ведь и разрушить стены тюрьмы, а не выводить через дверь.

– Разрушить Водные тюрьмы? – Ярт вскинул брови.

– Ну да, звучит бредово, но, если нет тюрьмы, – нет и плена. И не важно тогда, достучимся мы к этому моменту до Воды или нет. К тому же это могло бы спасти очень, очень много жизней.

Бартен посмотрел на него как на умалишенного.

– У тебя вместе с Дариной последние остатки мозгов исчезли, да? – почти с отеческим участием поинтересовался он.

Кай выдержал и эту реплику, не опустив головы.

– Тюрьмы заслуживают того, чтобы быть навсегда уничтоженными.

– Звучит все совершенно сказочно, загвоздка в досадных мелочах. Ну, например, как нам в принципе это сделать, – Мик язвительно ухмыльнулся.

Судя по лицам, идея никого особенно не впечатлила.

– Так вот... – Кай осторожно подбирал слова. Большинство сидящих за столом взирали на него в лучшем случае как на сумасшедшего. Но он заметил ободряющий, внимательный взгляд Ярта и расправил плечи. Терять-то все равно нечего. Если в итоге скажут убраться подальше, Кай будет только рад. – Среди тюремщиков, сколько я себя помню, ведутся разговоры – так, досужие домыслы по большей части, или слишком развязавшийся спяну язык кого подведет, или новичков запугать, – в общем, что не может такая махина творений веками

существовать сама, без какой-то особой, неведомой поддержки. Только представьте: удерживать эту толщу воды.

– Так, – кивнул Ярт.

– Ну вот и строят они годами догадки – одна жутче другой. И жертвы Стихии кровавые приносят, и чуть ли не из костей узников стены строят, надо только приглядеться получше... И руководство Тюрем чрезвычайно не одобряет эти теории. Понимаете, Тюрьмы действительно огромны: все время одни камеры приходят в негодность, достраиваются новые. Там очень легко укрыть кого-то или что-то, веками поддерживающее их. Если найти это место – ну или места, не знаю, – то Тюрьмы и правда могут рухнуть. Вы только представьте себе...

Все по-прежнему не сводили глаз с Кая. Он чувствовал, как начинают гореть щеки.

– И где можно вывести про такие места? – один только Ярт по-прежнему казался невозмутимым.

Кай вздохнул. Вот этой части разговора он опасался больше всего.

– Если где в мире и есть такие сведения, то у моего отца.

– Наведаемся в гости? – Мик, казалось, понемногу стал проникаться этой идеей.

– У него два кабинета, – начал Кай. – Один – дома, а другой – в самих Тюрьмах. Думаю, дома искать бессмысленно...

– Нет, – Ярт покачал головой. – Этот план мы все-таки оставим про запас. Я не сомневаюсь в твоих словах, Кай. Но можно начать с того, чтобы хотя бы попытаться услышать Воду. Вдруг есть иные пути? В этом, уж прости, слишком много разных «но».

Кай кивнул. Он испытывал одновременно и разочарование, и облегчение.

– Но... – начала Рут.

– Рут, мы освободим их в ту же секунду, как появится хоть малейшая возможность, – за Ярта ответил Мик. – А пока, – он повернулся к Каю, впервые за последние сутки говоря серьезно, – ты отведишь нас туда, когда придет время, и мы с Рут попробуем дозваться Воду. Но прежде я бы разобрался, где сам Аврум, его войска и почему мы, собственно, до сих пор живы.

– Знаешь, вот последнее и правда загадка, честно говоря, – сказав это, Кай наконец опустился на стул и облегченно выдохнул.

– А ушедшие на *зов*? – тихо подала голос Мирра.

Ярт тяжело вздохнул.

– Мы пока не знаем, где их держат, и сделаем все возможное, чтобы выяснить. Но даже если отыщем их, Мирра, ты должна понимать: без мастера, управляющего ушедшими на *зов*, эти несчастные не способны ни есть, ни спать – да в принципе ни на какие действия. И едва ли кто-то из таких управляющих согласится нам помочь по доброй воле, а как в подобных случаях действовать самим, нам неизвестно. Даже если мы выкрадем Риккарда, это будет застывший истукан, который в итоге просто умрет от голода и жажды.

Ярт объяснял все это ровным, негромким голосом. Каю от его слов сделалось невыносимо жутко.

Взглянуть в эту секунду на Мирру он так и не решился.

***1010 год от сотворения Свода, 24-
й день третьего весеннего отрезка
Элемента, Высокий Храм***

Вьюрок

После бессонной ночи глаза покраснели и слезились, но сейчас такой вид играл Вьюрку на руку.

На спутника Куницы он старательно избегал смотреть. Оказывается, тот ужасный детина с плотоядной улыбкой, которого она прежде везде таскала с собой, – Ясон, кажется? – был еще вполне приятной компанией.

– Мятеж? – как-то даже вкрадчиво спросила Куница. – Вы уверены? Пока я тут? Разве это не безумство?

– Я заранее прошу прощения за свои слова: но в этом и смысл. Пока вы тут. Многие в стане бунтовщиков жаждут именно вашей смерти больше прочих.

– Потрясающая осведомленность о настроениях в стане бунтовщиков. Я вот подобной не располагаю, – Куница изогнула бровь.

Вьюрок почувствовал, что ладони вспотели, и сжал под столом кулаки.

– Вы ведь не зря сюда прилетели. Профессиональное чутье помогло. Я всю ночь тайно присутствовал на их сборище и могу сказать с уверенностью: на вашу жизнь готовят покушение. При этом им одним ограничиваться и не думают. Просто казнить их сейчас и все оборвать разом не получится – отравы уже расплзлась по всему континенту. Чтящих, может, и не так много, но их сила и влияние...

Куница все еще смотрела на него с недоверием. Она определенно летела сюда по другой причине. Иво видел, что это жуткое создание таскало свою хозяйку к Высокому Храму минимум три раза за день.

С помощью Кору Дарина сопротивлялась как могла: прятала каждую мысль, выставляла преграды. До нее самой добраться Кунице, может, и не по силам, но если удастся проникнуть хотя бы в сознание пленницы, то случится очень много бед.

Время поджимало.

Вьюрок осторожно взял со стола свою кружку и пригубил отвар. В горле першило.

– Итак, вы предлагаете?..

Вьюрок с отвращением почувствовал, как существо попыталось влезть в его мысли. Словно что-то вязкое и дурно пахнущее растекалось внутри черепа и искало способ впитаться глубже. Он заставил себя сделать еще один глоток.

– При всем уважении к вашему мастерству, опыту и таланту, нам нужна помощь. Ну и возможно, вам стоит укрыться...

– Я не покидаю поля боя, – на лице Куницы появилась кривая ухмылка. Вьюрок подумал, что даже такое подобие улыбки идет ей куда больше, чем застывшая высокомерная гримаса.

– И это вызывает огромное уважение, – Вьюрок осторожно поставил кружку. – В таком случае, уверяю, нам стоит написать несколько писем и обрисовать ситуацию. Кораблям сюда путь неблизкий. Нужно поспешить.

Существо еще раз попыталось залезть в его мысли. Вьюрок дал отпор и сморщился от резкой боли в затылке. Куница насмешливо наблюдала за этим.

Вьюрок заставил себя невозмутимо улыбнуться. Он не станет показывать слабость.

– Корреспонденцией, конечно, займетесь вы лично?

– Это моя работа.

«Куда там! Призвание», – невесело подумал Вьюрок. Он всю ночь писал письма, и Року придется доставить их до ближайшей почты, которой они доверяют. А оттуда посланиям предстоит разлететься по всей империи. Сил обязательно должно хватить. Корабли придут – и Кунице понадобится время, чтобы понять, что они здесь не для помощи ей.

Очень нужно Вьюрку время.

– И нам не стоит терять ни секунды, – продолжил он. – Если вы не против, я предпочел бы заняться рассылкой писем сегодня же.

– Это что, приказ?

Сарказм этой женщине удавался на славу.

– Конечно же нет. Отчаянное волнение за вашу судьбу и судьбу всей Элементы.

А вот ему свой сарказм пришлось тщательно замаскировать. Вьюрок изо всех сил пытался изобразить искреннюю тревогу во взгляде.

Куница провела рукой по стопке белой бумаги, лежавшей перед ней на столе.

– Зайди сегодня вечером, – она вдруг перешла на «ты». Непонятно было, от возникшего вдруг доверия или же пренебрежения. – Заберешь письма.

* * *

Вьюрок покинул дом, где остановилась Куница, и с минуту прислушивался, не собирается ли она последовать за ним. Убедившись, что нет, он поспешил к Высокому Храму.

День стоял сырой, и строение терялось в тумане, виднелись одни только неясные контуры вдали.

Вьюрок ускорился. Иво и Кора уже, должно быть, ждали его там.

Торопливые шаги привычно гулко зазвучали под сводами. Первые разы Вьюрок непременно замирал у входа, зачарованный ощущением, словно небо сделалось чем-то очень близким, существовавшим буквально на расстоянии вытянутой руки.

Но теперь тревог с каждым днем все больше и больше, и любоваться уже стало некогда.

– Я помогу ей продержаться, сколько сумею, – вместо приветствия начала Кора. – Но Дарине хуже с каждым днем. Это не жизнь. В то время как этой Куницыной твари хоть бы что. Я пыталась незаметно ее ослабить, так сама чуть рассудка не лишилась.

Иво беспомощно посмотрел на брата.

– Если мы опоздаем...

– Прекрати. Я отправил письма, куда только мог. А сегодня вечером займусь почтой главного цензора – славно же, что бумага так хорошо горит, туда ее корреспонденции и дорога. Нам нужно-то... Ну пара недель – самое большее.

Кора нахмурилась еще сильнее.

– Если эта дрянь до твоего сознания доберется, нам всем головы не сносить.

– Я много лет занимаюсь такими делами, за которые меня казнят на месте, если вдруг про них станет известно. И ничего. Справляюсь как-то.

– Сейчас на кону намного больше, чем твоя жизнь, – отрезала Кора.

Вьюрку оставалось только согласиться. Ему ужасно хотелось хотя бы Иво отослать куда-нибудь подальше, но уверенность в том, что Куница просто встанет на его след и уничтожит, вынуждала отказаться от этой затеи.

Он посмотрел на клубившийся туман за окном. Им нужен ветер – разогнать облака и помочь кораблям прилететь быстрее.

Кора прикрыла глаза, слабо улыбнулась и чему-то кивнула.

– Не переживай, у Литы все хорошо, – вслух прошептала она, обращаясь, очевидно, к Дарине.

Они втроем постояли молча, каждый погруженный в свои мысли. Вьюрок все смотрел на хмурый день за стеклами и думал о непогоде, которая может привести к непозволительному промедлению. Иво же вот уже минуту рассеянно чесал за ухом, и там, кажется, успела появиться ссадина.

– Послушай, – вдруг обратился Вьюрок к Коре, осененный внезапной догадкой. Кора распахнула глаза и уставилась на него. – Там же сам Воздух вместе с Дариной. Возможно, – просто мысль, – они сумели бы помочь нам с ветрами?

Кора задумалась.

– Можно попробовать. – И через минуту: – Дарина попытается.

Они еще немного постояли, тихо переговариваясь о предстоящем. Невеселый серый день катился к вечеру.

– Я пойду, – наконец сказал Вьюрок. – Мне еще нужно заглянуть к Кунице за письмами.

Стоило ему ступить за порог, как шквальный ледяной ветер забрался под рубашку. Вьюрок сразу же промерз до самых костей, но ни одному холоду в жизни он прежде так не радовался.

Попытка Дарины определенно имела успех.

***1010 год от сотворения Свода, 25-
й день третьего весеннего отрезка
Элемента, Предел***

Мик

– Значит, в Пределе нет ни войск, ни Аврума, – заключил Ярт.

Он перебирал газетные вырезки и записи, предоставленные мятежниками. В городах, где приходилось останавливаться прежде, никто не смог ничего толком рассказать. Но до них долетали эти слухи, хоть и веры им не было никакой – бардак, перебои с почтой, сомнения в официальных источниках никому не шли на пользу. В Пределе же вопрос решился сам: желающие присоединиться к их рядам принесли с собой и нужные сведения.

Мик рассеянно кивнул.

– Такую армию не уведешь незаметно, да? Если они и правда на пути к Огненному гроту – ну, мы хотя бы уже знаем, что конкретно они стерегут и почему направляются именно туда. Иной вопрос, насколько всему этому можно верить.

– Вдруг Тюрьмы теперь будут меньше охраняться? – робко предположила Рут.

Кай покачал головой:

– Исключено. Там своя охрана.

Мик взял себя в руки и не стал отвечать, что к словам Кая он тоже не слишком-то спешит прислушиваться. Рут права: пора вести себя сдержаннее.

Мик пока не понял, радоваться или печалиться по поводу сегодняшних новостей. Предел опустел – ни императорской семьи, ни армии, ни, раз уж верить словам Бартена, Знания, ни даже Куницы. Здесь было почти безопасно находиться. И – если они так и не найдут способ достучаться до Воды – почти так же бессмысленно.

За окном дул сильный, не по-весеннему злой ветер. Сухая ветка стучала и стучала в стекло, будто хотела попасть внутрь большой обветшавшей гостиной. Мик рассеянно наблюдал за этим биением, пытаясь понять, что же им всем предпринять дальше.

Оставалось, впрочем, еще одно дело. Выяснилось, что в записях, оставленных Эрестом, как и в последнем напутствии Ориона, упоминались люди, воспитавшие Тима и Лину.

– Сходите туда. А по пути обратно, может, хотя бы попробуете приблизиться к Водным тюрьмам? – Ярт аккуратной стопкой сложил все вырезки на столе.

– Нам что, его с собой тащить? – все-таки не сумел промолчать Мик, кивнув в сторону Кая.

– А ты правда без меня берег Океана не отыщешь? – спросил тот в ответ. – В таком случае у армии под твоим предводительством, похоже, проблемы посерьезнее Аврума имеются.

– Точно. Например, то, что к ней присоединился ты.

Ярт с силой стукнул кулаком по столу. Вырезки разлетелись. Рут от неожиданности ойкнула.

– Хватит! Это ребячество еще долго будет продолжаться? – Ярт не повысил голоса, но от его тона сразу расхотелось препираться. – Вам не надоело? Мне что, вас, как детей малых, отчитать и по углам развести? Самим-то не стыдно? Мик, неужели твой отец позволял себе подобное поведение в военное время?

«Стыд» было слишком блеклым словом для описания того, что в этот момент почувствовал Мик.

– Мы с Рут пойдем возьмем куртки, – пробубнил он, не решаясь поднять взгляд на Ярта. И добавил, не поворачивая головы в сторону Кая: – Ждем тебя через десять минут у кораблей. Я попрошу Ласку нас отвезти.

* * *

Мик, совсем как в старые добрые времена, сел рядом с Лаской, чтобы не провоцировать новых препирательств. Было что-то очень важное и успокаивающее в том, что Ласка всегда оставалась собой: грубоватой, преданной, с несгибаемым духом и бесконечно влюбленной в свое дело.

Говорила в основном она: о том, что у них получилось собрать считай что маленький флот, которым она взялась командовать, о возможной предстоящей дороге в Ангорию, к Огненному гроту, о Воздухе, о необходимых картах... Мик слушал, рассеянно кивал и раз за разом возвращался к мысли о том, как же им всем на самом деле повезло и какое это счастье, что Ласка уцелела в той себерийской бойне.

– Здорово, что ты у нас есть, – невпопад ляпнул Мик.

Ласка с подозрением посмотрела на него.

– Чего это ты расчувствовался? Все хорошо?

– Да. Не бери в голову.

Ласка пожала плечами и замолчала. Сам Мик давно уже потерял нить беседы.

Они пролетали над садами и парками богатых районов. Что бы ни творилось во всей Элементе, весну никто не отменял: день был хмурый и ветреный, но на деревьях виднелось нежное марево молодой зелени. Предел теперь казался Мику совершенно опустевшим, полым разбитым сосудом, хотя, конечно, горожане никуда не девались – во всяком случае, бо́льшая часть. Из труб заводов валил дым, в окнах горел свет, по улицам шагали прохожие, в небе парили корабли. Жизнь, как и весну, невозможно остановить или запретить.

– Я тоже чуть не осталась навечно с Землей, – вдруг произнесла Рут, обращаясь к Каю. – Но Четыре и сами устали от этого плена. Она отпустит Дарину, вот увидишь.

– Хорошо, если так, – послышался голос Кая. – Спасибо.

– Знаешь, по-моему, человеку, который выжил в Водных тюрьмах, сбежал из них и снова кинулся туда, что угодно в этом мире по плечу. Все будет хорошо, вот увидишь. Может статься, пока мы тут по Пределу бесцельно шатаемся, Дарина уже разобралась с Аврумом.

– И просто забыла черкнуть об этом пару строк? – ухмыльнулся Кай.

– Забегалась, ну бывает же, – Рут тихонько рассмеялась.

– Эх, с ней так уж точно.

Им, похоже, и правда было весело.

– Спасибо, Рут, – вдруг с чувством поблагодарил Кай.

Мик, не оборачиваясь, слушал их разговор, и что-то горькое скреблось внутри. По неведомой причине на этот раз добросердечие Рут приносило с собой такую тоску, словно его самого в чем-то предали.

* * *

Домик, где жили родные Тима и Лины, оказался аккуратным особнячком в другом конце Предела. Ласка едва отыскала место на тесной петляющей улице, чтобы посадить там корабль.

На одном из домов Мик различил знакомое изображение, уже не раз встречавшееся по пути к Пределу. Он не ожидал увидеть его и здесь, все же чаще они замечали знак среди разрушенных мятжами кварталов. Снова грубая маска, перечеркнутая шрамом, – эту, кажется, несколько раз уже замазывали, но упрямо продолжали чертить – под рисунком виднелись слои

свежей краски. На Мика странно влияли встречи с меткой: какая-то часть его ужасалась, другая гордилась, и он не мог до конца понять, радоваться таким маскам или нет. Это был символ союзников, соратников, единомышленников. И в то же время – напоминание о том, какая ответственность перед всеми лежит на Мике и как мало в действительности он может предложить взамен преданности и вере этих людей.

Он потряс головой, как поступал всякий раз при виде знака. Он будет делать что должно, что только сможет в этой войне, – а они сами решат, вступать в его ряды или нет.

Мик смело направился к калитке.

Он, как выяснилось, и позабыть уже успел, что сады бывают ухоженными, а стекла в окнах – целыми. Замок оказался не закрыт. Из форточек тянуло аппетитными запахами.

Пройдя по узкой тропинке между остриженных кустов, они вчетвером очутились на деревянном крыльце. Мик постучал.

– Кто там? – почти сразу раздался за дверью встревоженный женский голос.

Мик на миг задумался, как им представиться, чтобы до смерти не напугать хозяйку. Наверняка в последние годы ее жизнь была непростой.

Остальные молчали.

Наконец Мик решил, что самый честный вариант станет самым правильным.

– Мы от Тима.

За дверью повисла тишина.

– Клянусь, мы пришли с миром. Вы, должно быть, Зоя?

Снова ни звука.

– Нас отправил к вам Орион. А я – сын Рыся.

Дверь приоткрылась на узкую щелочку.

– Вот, – Мик просунул в нее приготовленную аквакарточку. – Мы хотели вернуть это. И нам очень нужно с вами поговорить.

Дверь распахнулась. Перед ними стояла низенькая седая старушка, крепко сжимавшая в руке портрет Лины. По щекам Зои текли слезы, которые она и не пыталась смахивать.

– Проходите, – дрожащим голосом пригласила она. – Я уже и подумать не могла...

Хозяйка задержалась взглядом на лице Рут, но сумела промолчать. Мик постоянно забывал, какое впечатление на незнакомцев производят глаза его даллы. Ему-то самому они давно казались чем-то обычным и даже по-своему красивыми – такой глубокой и разной умела выглядеть эта чернота.

Рут на миг склонила голову, прикрыв веки, а потом грустно улыбнулась. Ей к подобному вниманию не привыкать.

Они вчетвером с Каем и Лаской вошли.

Как же здорово было вновь оказаться в нормальном доме – чистом, целом, гостеприимном! В маленькой опрятной столовой, куда их привели, на столе лежала скатерть, а в вазе стояли свежие цветы.

Мику мгновенно сделалось стыдно за свои брюки и ботинки, которые он успел забрызгать уличной грязью. Они все совершенно разучились заботиться о внешнем виде: в последние недели даже помыться удавалось далеко не каждый день, про существование больших зеркал, утюгов, душистого мыла и прочих атрибутов мирной жизни и вовсе пришлось позабыть. Мик и брился-то от случая к случаю, а отросшие почти до лопаток волосы собирал в растрепанный хвост на затылке. К его огромному стыду, Рут уже несколько раз приходилось выстригать у него колтуны. Он с тоской посмотрел на замызганные манжеты своей великоватой куртки, знавшей куда лучшие времена. На Рут сейчас была точно такая же, даже того же размера, и сидела она просто ужасно: рукава закатаны почти в два раза, плечи где-то у локтей, полы достают до самых колен... Одеждой поделились мятежники в одном из городов, выбирать не приходилось.

– Садитесь, – предложила хозяйка и заняла место во главе стола.

Стоило им вчетвером разместиться на тесно стоявших стульях, и комната сделалась еще меньше.

– Вы, должно быть, Зоя? – повторил свой вопрос Мик.

Женщина кивнула, продолжая разглаживать на столе перед собой потрепанную карточку.

– Девочка моя, – тихо прошептала она. – Ни тебя, ни Тима...

Мику сделалось ужасно неловко, будто он стал свидетелем чего-то совершенно не предназначенного для чужих глаз. Он сконфуженно переглянулся с Рут. Кай и Ласка сидели неподвижно, рассматривая узоры на скатерти.

Мик заставил себя продолжить:

– Ваш муж ведь знаком с моим отцом? Он когда-то, должно быть, удалил из его сознания очень важное воспоминание. Нам нужно узнать...

Зоя, продолжая плакать, покачала головой:

– Боюсь, милый, мой муж уже никому ничего не расскажет. Его не стало в прошлом месяце. – И, отвечая на незаданный вопрос, объяснила: – Сердечный приступ. Мы всю жизнь жили в страхе казни или Водных тюрем, а в итоге Лун скончался в собственном саду, с лейкой в руках.

– И он не оставил никаких записей, писем?

– Ничего. Он сделал это для всеобщей безопасности. Только представь, что стало бы, окажись эти записи не в тех руках. Жертва твоего отца получилась бы напрасной... Но Лун в любом случае не смог бы рассказать сильно больше, чем я сейчас. Его воспоминания тоже были повреждены, по похожей причине. Хотя он казался крепким и очень ждал встречи с вами. А я вот совсем успела разувериться... Мне он говорил всего два слова, которые необходимо передать в первую очередь тебе, Мик: путь Рыся. И все. Этого должно хватить.

Мик только из вежливости заставлял себя слушать дальше. Тупик. Стена, которую не прошибить ничем. Раз Луна не стало, они, похоже, никогда не узнают, где теперь Пятая, даже если спасут отца из Тюрем. Он наверняка собирался прибавить еще хоть что-то к этим двум словам – может, просто скрывал эту информацию от Зои? Все из тех же соображений безопасности. Ведь «путь Рыся» – какая-то бессмыслица. Мик, конечно, обдумает все это хорошенько и посоветуется с Яртом, но...

Но, может, они так никогда до конца и не освободят Стихии, даже пробудив. Если вместо четких указаний, как отыскать Пятую, отец оставил только странное словосочетание (лозунг? загадку? заклинание?) – то найти ее Мик едва ли сумеет. И плен Четырех будет длиться вечно. Обреченная битва.

– Мне-то рассказать больше особенно не о чем. А вот вам точно есть. – Зоя наконец смахнула слезы и оглядела гостей. – Порадуете старушку?

– Это может навлечь на вас беду, – сказал Кай.

– Ох, милый, не осталось уже бед, способных меня напугать. Я схоронила всех, кого любила... – она вновь посмотрела на карточку. – Не бойтесь. Раз уж вы все равно тут.

Переглянувшись, они начали свой рассказ. Первым, как ни странно, заговорил Кай, складно и быстро, словно совсем недавно уже поведал кому-то эту историю. Потом Мик подхватил его речь. Краем глаза он заметил, как Рут в попытке устыдить ткнула локтем в бок Ласку, без конца посматривавшую в сторону кухни.

– Вы, должно быть, голодны? – перебив, спросила Зоя, от внимания которой красноречивые взгляды Ласки тоже не ускользнули.

Из кухни и правда пахло восхитительно. Скрепя сердце Мик покачал головой. Не хватало им еще объедать одинокую пожилую женщину.

– Спасибо, мы позавтракали, и нас ждут к обеду. Не будем злоупотреблять вашим гостеприимством.

– Пожалуйста, останьтесь. У меня очень давно не было гостей, и вряд ли еще когда-нибудь будут. Вы очень порадуете меня. Я обычно готовлю на несколько дней сразу и вот как раз закончила перед вашим приходом, так что нам на всех хватит. К тому же вы ведь не успели договорить, так?

Мик вновь переглянулся с Рут. Она неуверенно кивнула.

– Только если это вас и правда не стеснит.

Рут с Лаской помогли Зое накрыть на стол.

Мирра готовила из их запасов провизии самое лучшее, что только умела. А когда главное – хоть иногда поесть досыта, уже не до изысков. И сейчас Мику стоило огромного труда не накинуться на чудесные домашние яства будто дикарь, хватая с блюд все подряд и заталкивая поскорее в рот. Под строгим взглядом Рут он положил немного в тарелку и взялся за приборы.

Мик в два укуса проглотил ломоть пирога с молодым луком и тут же потянулся за добавкой. Остальные не отставали.

Зоя с теплотой смотрела, как они расправляются с едой, на аппетит никто из них четверых сегодня определенно не жаловался. Себе она взяла совсем чуть-чуть.

– Я так рада немного вам помочь. Хотя бы домашним обедом.

– Поверьте, это совсем не немного, – промокнув губы салфеткой, ответил Кай.

– Все так вкусно! – Ласка, напротив, ничуть не заботясь о приличиях, говорила с набитым ртом.

Зоя ласково улыбалась им всем. Мика очень грела утешительная мысль, что они чуть-чуть скрасили своим приходом жизнь старушки.

На прощанье Зоя крепко обняла каждого, еще раз поблагодарила Мика за карточку. Она вышла проводить их на крыльцо – худенькая, сгорбленная, вновь со слезами на морщинистых щеках – и махала вслед, пока они не забрались в корабль.

Обед хоть немного отвлек Мика от невеселых мыслей. Но, заняв место рядом с Лаской, он ясно почувствовал, как весь небесный свод разом обрушился на плечи.

След Пятой утерян.

Кай подошел и встал за спиной у Ласки.

– Летим к Тюрьмам? Я покажу, где тайный путь. Может, для первого раза и заходить окажется необязательно. Так попробуете позвать. Хотя мы с Дариной столько раз были там вдвоем – и никогда ничего.

«Никогда, ничего», – уныло подумал Мик. Похоже, девиз сегодняшнего дня.

***1010 год от сотворения Свода, 25-
й день третьего весеннего отрезка
Элемента, Предел***

Рут

Меньше всего Рут хотелось сейчас ступить под эти своды. Соленый терпкий ветер дул в лицо, и она раз за разом убирала за уши растрепавшиеся пряди. Мысль о гостеприимном доме Зои и теплом обеде казалась такой радостной и желанной, что Рут была почти готова кинуться обратно, к кораблю, и умолять Ласку отвезти их назад.

Все трое – она сама, Мик и Кай – медлили, замерев у самой кромки Океана. Рут чувствовала, что волны уже добрались до ее ветхих башмаков и пальцы ног намокли и продрогли, но не решалась нарушить молчание и попросить Мика помочь ей просушить обувь и согреться.

Мик храбрился и хмурил брови.

– Может, – неуверенно начал он, – и разгуливать-то вот так по Пределу, ничего не боясь, не слишком хорошая идея.

Рут знала, что должно было последовать за этой фразой, но о чем Мик умолчал. Может, даже приближаться к Океану было ошибкой. И Рут хотела бы согласиться, но вместо этого заставила себя произнести ровно то, что он желал услышать:

– Она тут, Мик. Земля. Она нас не покинула и придет на помощь по первому зову.

Мик кивнул. Земля, все ее могущество – залог их безопасности.

Кай с пониманием смотрел на них обоих и не торопил.

– Я впервые очутился тут еще в детстве, мне и двенадцати не было. И с тех пор бывал сотни раз. И все равно, даже когда мне ничего не угрожало, приходить сюда совсем не хотелось. Мы можем...

– Вы просто позвали Воздух и все? – нахмурившись еще сильнее, перебил Мик.

– Ну, не совсем. Она, кажется, боялась упоминания Водных тюрем и в то же время... злилась? Пыталась помочь? Я не понимаю до конца, почему она забрала Дарину. И не знаю, что может настолько же взволновать Воду.

Рут зажмурилась и попробовала еще раз. Вместе с Миком, синхронно, сперва мысленно, потом вслух. Казалось ужасно глупым стоять у огромного, бескрайнего, беспокойного Океана и вопрошать раз за разом: «Вода? Вода?» Словно они и правда обезумели вконец и не замечают, что находится у них прямо перед глазами.

Кай наудачу попробовал вместе с ними. Ничего.

– Возможно, будь тут Дарина...

– Но ее тут нет, – оборвал Мик. – Заходим.

И остался стоять на месте.

Рут снова дерганым, нервным жестом поправила волосы. Они с Лаймом в детстве сотни раз плескались в пруду, одним особенно жарким летом мама бывшего далла без конца повторяла, что у них двоих скоро жабры отрастут. В своем умении плавать Рут ни капли не сомневалась: они на спор доставали блестящие камушки со дна и соревновались, кто дольше продержится под водой или быстрее доберется до другого берега. Но пруд был совсем иным – темным, стоячим, под вечер очень теплым, с рыбешкой, плескавшейся у самых ног.

Океан же выглядел злым, безжалостным, непроницаемо-серым под низким дождливым небом. Он беспощадно швырял в лицо все новые и новые ледяные брызги, и Рут даже задумываться не хотелось, что же там, на дне, раз поверхность умеет так пугать.

Где-то в глубине, быть может, сейчас сидели на мокром песке и вглядывались в бесконечную толщу воды Рысь, Элеонора, родители Лайма, Риккарда... И еще сотни и сотни людей, балансирующих на тонкой грани между ясным рассудком и безумием, жизнью и смертью. Так близко – и при этом так недосыгаемо.

Кай совершенно прав. Тюрьмы стоили того, чтобы разрушить их любой ценой.

Мик зажег меж ладоней огонек, но сырой ветер моментально погасил его. Рут сделалось так жутко, что она, повинувшись внезапному порыву, кинулась к даллу и обняла его за шею. Он опустил на миг руку ей на спину, а потом мягко отстранил.

– Там нет ветра и брызг. И огонь будет гореть, – сказал Кай, сделавший вид, что не заметил произошедшего. – Не уверен, что вам удастся там нормально творить – правда, с Землей может и получиться... Я, наверно, все же еще смогу. Когда мы были здесь в прошлый раз – смог.

«Только тогда там была и Дарина тоже. А тебя ослепили, и вы все чудом выжили», – подумала Рут, но ничего не сказала.

– Идем, – Кай обогнул один из высоких острых камней, наполовину утопавших в воде. Он махнул рукой – и перед ними обнажился участок засоленного песчаного дна.

Мик шагнул первым.

* * *

Один поворот.

Ничего.

Еще один.

Снова нет.

Дорога уходила вниз, они спускались все глубже. Не гори слабый Огонь в ладонях Кая, вокруг бы царил серый сумрак. Дневной свет едва пробивался сюда. В очертаниях стен коридора зияли еще более темные провалы – заброшенные камеры, как шепотом объяснил Кай.

Сделалось очень холодно. И страшно. Рут представила, как Дарина брела этим же путем, чуть живая от усталости и долгого заточения, прижимая к себе маленькую спящую Литу, как вышла наконец на поверхность, увидев небо впервые за долгие месяцы... Как страшно, наверное, было Каю возвращаться в тот день домой, зная, что он совершил, умирая от тревоги за себя, Дарину, Литу. Как для них троих история закончилась, можно сказать, хорошо – хотя бы в тот раз.

Значит, и они сегодня справятся.

Или же стоило взять кого-то с собой на помощь? С творениями тут, правда, никто бы не сумел совладать, и Кай клялся, что этим путем почти не пользуются, да и толпу ведь все равно незаметно не провести...

Но, Четыре, как же страшно... Рут подумалось, что в следующий раз, когда она увидит солнечные лучи, и листву на деревьях, и полет птиц в небе, – она просто разрыдается от счастья.

«Рут, давай попробуем снова», – попросил Мик.

Конечно, опять ничего не вышло. Рут, честно говоря, и не надеялась. Еще раз – и обратно. К свету, воздуху, жизни.

Кай уже повернул назад, и они с Миком пошли, ведомые тусклыми мерцающими отблесками его Огня на стенах Тюрем, когда за спиной раздались мужские голоса.

Один – громкий, скандалящий, надрывный. И второй – кажется, пытавшийся утихомирить и устыдить. Говорящие явно направлялись сюда.

– Это твои дружки? – прошипел, замерев, Мик.

– Ты издеваешься? Совсем рехнулся, да?! – не менее зло прошипел Кай в ответ. – Да меня первого тут по стенке размажут, даже если я всех Четырех за ручку приведу.

– Тихо! – Рут едва сдержалась, чтобы не закричать. Оказывается, все, что было до, – это еще не страшно.

Голоса приближались.

– Здесь один-единственный путь к выходу, – прошептал Кай. – Давайте...

Он не успел закончить.

– Что за?.. – очень громко раздалось за их спинами.

Все трое обернулись.

Дальше все время собралось в одну крошечную точку – и взорвалось.

Тусклый свет выхватил лица пришедших: один был очень высокий, плотный, с безумством в жутких, налитых кровью глазах. Он опирался о второго, низкого и тщедушного, и в иной ситуации это выглядело бы комично.

В следующую долю секунды Рут поняла, что эти двое узнали Кая.

Еще сотая часть мига – Кай попытался первым сотворить хоть одно атакующее творение – Огонь погас, творение обратилось сперва в пар, затем сделалось тонкой инистой полоской снега, растаявшего прежде, чем долететь до пришедших.

В следующее мгновение пьяным, диким голосом взревел здоровяк.

– Земля! – зачем-то заорала Рут, хоть и знала, что достаточно позвать мысленно.

Секунда – и она уже была тут. На этот раз невозможно крошечная для Стихии – почти с ребенка ростом, вся состоявшая из отчаяния и морщин. Нападавшие замерли в онемении, Земля посмотрела на них, а потом вдруг повернулась к Рут – и согнулась пополам, будто от боли, упала на колени, послала последний, полный страдания и мольбы взгляд – и исчезла.

Похоже, не одна только Воздух из Четырех впадала в ужас и безумие от Водных тюрем. И звать сюда Стихию, и без того истощенную необходимостью убивать, было ужасной идеей.

И на Рут вдруг всей толщей воды обрушилось понимание: Земля совсем исчезла. Окончательно покинула их в самую трудную секунду, не вернется ни сейчас, ни завтра. Может, в иных творцах она и осталась – но ни Рут, ни Лайм, ни даже единотворцы... Каждый из тех, кто был причастен к свершившемуся, лишился ее сил.

Земля умоляла о помощи, а они не слышали ее. Они подвели Стихию, и она отплатила им той же монетой.

– Земля! Земля! Земля! – все звала и звала Рут, будто это могло что-то изменить.

Нечто слепящее, ужасное, смертоносное несло – но не из ее ладоней, а, наоборот, прямо на Рут, застывшую во внезапном оцепенении от страха и беспомощности. Следующая секунда должна была стать последней.

Обезумевший от ужаса, Мик вместо попытки отразить атаку, напасть самому или оттолкнуть Рут сделал самую большую глупость из возможных. Он кинулся вперед, закричал что-то – Рут так и не разобрала слов, – загородил ее, а через миг рухнул у ее ног, обмякнув.

– НЕТ!!!

Кай схватил ее за руку. Из злого, невыносимого отчаяния Рут вплела в его слабое, незнакомое, озябшее творение все то, чему научила ее за эти полные крови дни оставившая их Земля. Последние остатки Стихии, еще не покинувшие Рут. Лед Кая будто врезался ей в вены, порол кожу, вскрыл каждый шрам – и из рук наконец хлынуло черным, густым, ядовитым.

Крики стали невыносимо громкими, а потом разом смолкли.

– Я... Я... – Рут делала вдох за вдохом, но никак не могла выдохнуть. Она не отрываясь смотрела туда, где за миг до этого стояли двое тюремщиков.

– Ты не могла иначе, опомнись, Рут! – почти рывкнул Кай, пытаясь привести ее в чувство.

Он взмахнул рукой каким-то нервным, неестественным, замысловатым росчерком – и один из провалов камер распахнул пасть. Им на ноги вновь хлынула вода. Кай, по-прежнему державший Рут за руку, второй попытался подхватить Мика, осипшим голосом крикнул Рут «Помоги!», и они волоком затащили его внутрь.

Стены камеры сомкнулись.

Рут рухнула возле Мика на колени, прямо в воду. Кай опустился рядом.

– Что же ты творишь, ненормальный... – Рут изо всех сил пыталась привычно призвать Землю, чтобы помочь Мику. Ничего. Даже слабенького творения.

Дрожащими, непослушными пальцами она старалась расстегнуть на Мике куртку, наконец Кай сделал это за нее. Рут ощутила под рубашкой слабый стук сердца.

– Жив, – только и смогла выдавить Рут. – А вот Земля, кажется...

Кай сочувственно посмотрел на нее.

– Переждем немного, вдруг они были не одни. Но, по-моему, это просто кто-то из охранников пытался тайком вывести второго, набравшегося прямо на рабочем месте... – Кай скрылся.

– Ты хоть немного исцелять умеешь? Ну хоть чуть-чуть? – Рут без конца смахивала слезы, но они все лились и лились.

Кай неуверенно кивнул.

– Я могу залечить порез. Усыпить ненадолго. Облегчить немного слабую боль. И... и все, – тихо закончил он.

– Попробуем, – Рут взяла его за руку, пытаясь вновь творить вместе, как несколькими минутами ранее. Было что-то постыдное, ужасно неправильное в том, чтобы исцелять бездыханного Мика вот так – впервые, вдвоем.

Боевые творения явно удавались Каю лучше целительных. Пока Рут с его помощью пыталась хоть немного унять боль, Мик слабо и как-то совсем уж жутко застонал, и в итоге пришлось сдаться.

– Мы должны поскорее довести его до дома, – она в очередной раз смахнула слезы и вытерла под носом.

Потом. Все потом. И исчезновение Земли, и нападение, и ужас этих минут... Не сейчас. Она должна помочь даллу.

Десять минут спустя, когда Рут уже извелась от бессилия и все раз за разом проверяла пульс Мика, прислушиваясь к неровному поверхностному дыханию, Кай наконец решился открыть дверь.

В коридоре было тихо. Он кивнул: можно идти.

Стоило только ему взять Мика на руки и приподнять, как колени сразу же подогнулись. Далл был сложен куда крепче сухощавого Кая.

Рут беспомощно кружила вокруг.

– Пожалуйста, – Кай тяжело выдохнул. – Когда будешь рассказывать Мику о случившемся, опусти этот момент. Поверь, он предпочел бы умереть. Скажем, что я волок его за ноги и он бился головой о каждый камень. Он даже не усомнится.

Рут не улыбнулась.

– Так ты его долго не пронесешь.

– Да. Придется правда за ноги. – Он перехватил взгляд Рут. – Извини.

– Попробуем закинуть его руки нам на плечи?

Кай с сомнением посмотрел на Рут. Она хоть и близко не была такой же тощей, как Дарина, но ростом едва доставала ему до плеча.

– Ну а что нам остается? Пока мы за помощью сходим, тут кто угодно способен нагрянуть. А он совершенно беззащитен. И мы здесь поодиночке не сумеем нормально обороняться. Ну и потом, добежит один из нас до Ласки – от нее прямо как будто больше толка будет. Сюда же она корабль не посадит, а весу в ней – треть от Мика.

– Тут ты права.

Мик не приходил в себя. Рут с Каем попытались последовать ее плану, но Мик безвольно повис, постоянно норовя упасть, и она сама спотыкалась на каждом шагу. В один момент осту-

пилась, не удержала тяжелую болтающуюся руку, Мик выскользнул и точно бы разбил еще и затылок, не подхвати его Кай в последний момент.

– Нет. Давай все-таки понесу я, а то остальные действительно решат, что мы его волоком тащили. Станем делать передышки. Тут очень редко кто-то бывает, правда. Это нам сегодня исключительно везет.

Рут неуверенно кивнула, пытаясь выровнять дыхание, и попробовала зажечь в руках Огонь. Ничего.

– Не страшно, хоть чуть-чуть, да видно. Когда я выводил отсюда Дарину, у меня тоже руки были заняты. Справились ведь. Лита, правда, все же весила ощутимо поменьше.

Дорога тянулась вечность. Рут казалось, что даже до Чаши Леса она в свое время добралась быстрее. Тяжело дыша, Кай делал остановки едва ли не каждые пять шагов, и Рут всякий раз с замиранием сердца кидалась проверять, жив ли Мик. И этот страх, перемешанный с темнотой, солью и холодом, будто заполнил ее.

Когда они очутились на берегу, взмокший, раскрасневшийся Кай сразу же опустил Мика на песок, без всяких сантиментов обозвав при этом кабаном. Рут никак не могла надышаться. Унылый песок, серое небо, ледяные волны – всёбыло наконец настоящим, ведающим свет дня и тепло солнечных лучей.

Дав себе секунду на этот отдых, Рут со всех ног кинулась за Лаской, чтобы та посадила корабль как можно ближе к берегу.

* * *

– Входи, – Рут постаралась улыбнуться Ярту.

В комнате, куда принесли по-прежнему бесчувственного Мика, едва тлел очаг. Мик сладил бы с этим лучше – Рут быстро устала воевать с непослушным, то и дело гаснущим огнем и в итоге просто накрыла далла еще одним одеялом из их походных запасов. Надо было пойти разыскать кого-нибудь, кто помог бы обогреть комнату, но Рут не могла заставить себя встать с кровати, на которой лежал неподвижный Мик. Так и сидела, глядя, как за окном все становится сначала закатно-желтым, а потом сумрачным, и почти не замечала, как сильно успела замерзнуть.

Ярт вошел, с сомнением покосился на единственную свободную кушетку у очага, на Рут, расположившуюся в ногах у Мика, и в итоге остался стоять.

– Как он?

Рут пожала плечами.

– Мы с Лаймом сделали все, что смогли. Дая справилась бы лучше. Будь с нами Земля, сумели бы больше. А так... – она махнула рукой. – У меня даже простые творения едва выходят. Влила в него целебного отвара, сколько получилось. – Рут вдруг всхлипнула и спрятала лицо в ладонях.

Когда она смогла немного успокоиться и убрала руки, Ярт старательно делал вид, что разглядывает ветки за окном.

– Кай мне все рассказал. Она действительно вас покинула?

Рут кивнула.

– Я же давно говорила. Ей было плохо, больно, невыносимо, она слабела с каждым днем. Все к этому шло, Тюрьмы только ускорили конец... Никто меня не слушал, Мик и то считал мои предостережения глупыми истериками. А теперь я не могу спасти умирающего, а нас всех перебьют, как слепых щенят. Единотворцы тоже лишились сил, ведь так?

Ярт кивнул, по-прежнему глядя в окно.

– Надеюсь, что это временно, – ответил он.

– И никакая Вода нас там не слышала. Есть вероятность, что Мик и до утра не доживет. Земля нам больше не поможет, Дарины нет, Воздуха нет, Знания нет. Следы Пятой утеряны. Огонь на другом конце страны, и ее стережет все войско Аврума. Что нам делать, Яр?

– Успокоиться, Рут. Тебе тоже надо отдохнуть.

– А мне не от чего устать, я ничего не сделала, – зло швырнула Рут. – Я хотела бы. Но не получится. – И, судорожно вздохнув, продолжила: – Он кинулся заслонять меня. Это я должна сейчас так лежать, не он.

– Что ж, Мик определенно не хотел подобного расклада, раз так поступил, – спокойно, будто о погоде беседовал, сказал Яр. – Творение только зацепило его, Рут, иначе он бы давно уже умер. Я прошел две войны и много раз видел, как те, кому бы по всем законам жизни и логики лежать в могиле, встают и идут сражаться. Мик настоящий воин, Рут. Он не покинет поле боя.

Рут ничего не ответила. Она придвинулась к изголовью и осторожно убрала пряди с покрытого испариной лба Мика. У него уже несколько часов был сильный жар.

– Пожалуйста, попроси Кая зайти, если он еще не спит. Я как-то не додумалась сразу... Он должен знать, что за творения они используют.

– Хорошо.

Перед тем как уйти, Яр все-таки разжег огонь.

Кай не знал. Неловко помявшись у постели, он пробубнил, что охрана в принципе работает иначе и, может, у них за это время появилось какое-то новое оружие вроде огнестрел, хотя он ничего такого у нападавших не успел заметить, значит, вероятно, какие-то творения, похожие на те, что используют тройки, потому что он никогда не видел такого прежде... Рут слушала его одним ухом, вглядываясь в напряженное, застывшее в мучительной гримасе лицо Мика. Едва только Кай вошел, она поняла, что не будет от этого разговора никакого толку.

– Спасибо, Кай, – прервала его невнятный монолог Рут. – Спасибо. Я бы ни за что не справилась одна. Он бы так и лежал сейчас там, на дне.

Кай только махнул рукой, мол, ну а как иначе?

И рад оказался поскорее уйти из комнаты.

Рут вновь осталась с Миком один на один. Он еще жив, и она не сможет последовать за ним к Пятой, как это было однажды. Да даже если он и умрет – это не станет уходом в Стихию, тюремная охрана убивала иначе, не пытаясь навеки вернуть тело и дух творца Четырем. Как отвоевать Мика у этой смерти, обычной, человеческой, слепой, равнодушной?

– Безумец, мог же ведь просто меня оттолкнуть... Ну почему, Мик? – Рут стиснула его пальцы в своих.

Заусенцы, ссадины, шрамики – он вечно где-нибудь резался, обжигался, царапался и никогда не давал этим ранкам нормально затянуться. Она взяла с прикроватного столика заживляющую мазь, которую без толку вытащила из своей сумки еще днем, и начала бережно обрабатывать Мику руки.

Вошел молчаливый Лайм, беззвучно поставил на стол чашку с дымящимся свежим отваром, дотронулся до лба Мика, покачал головой. Приблизился к Рут, погладил ее по волосам и все так же молча вышел.

Рут всхлипнула и принялась за другую кисть.

Пришел Лиг, прошептал что-то на исине, вознес над Миком ладони, опустил безвольно. Как показалось Рут – выругался. И ушел, хлопнув дверью.

Рубашка Мика вся промокла от пота, Рут нашла в шкафу свежую и передела дала.

Пришли целители, вызванные Яртом. Им творения Земли давались, но только легче Мику все равно не становилось. Лекари помялись растерянными у постели, явно не представляя, что нужно делать, и тоже рады были уйти.

Рут опустила чистый кусок ткани в миску с водой, стоявшую рядом с отваром Лайма, и, отжав, стала аккуратно протирать лицо Мика. Она бережно обходила самый страшный из его шрамов – черный, навеки воспаленный, будто всегда пульсирующий болью от той отравы, что заключена в нем.

Пришел еще раз Ярт – узнать, не получше ли Мик. И тоже не стал задерживаться.

Рут аккуратно расправила по подушке спутавшиеся пряди Мика. Приложила едва-едва свои озябшие пальцы к свежему кровоподтеку на его виске. Она попробовала влить в приоткрытый рот хоть немного отвара. Мик закашлялся, вдруг разомкнул покрытые коркой губы и позвал тихо, но отчетливо:

– Мама... Мама, где ты...

У Рут внутри все просто перевернулось, да не один раз. Невозможно было представить, что где-то в душе у Мика, способного в одиночку, с голыми руками броситься на медвежью тройку, Аврума и целый вражеский флот, все еще жил маленький мальчик. Зовущий маму, когда больно и плохо.

Во всяком случае, прятал он его от всех тщательно и умело.

– Тс-с, тише... – Рут погладила далла по голове.

Мик вновь застонал и что-то совсем уж неразборчиво забормотал в бреду. Рут подоткнула со всех сторон оба свалевшихся одеяла. И замерла. Снова некуда было себя деть, а бездействие ощущалось предательством.

Рут опустила голову и осторожно прижалась щекой к груди Мика, слушая, как часто, пытаясь справиться с недугом, колотится его сердце. От кожи далла исходил лихорадочный жар, ощущаемый сквозь тонкую ткань. Щеке стало тепло – будто Мик, как это бывало десятки раз, и сейчас помогал согреться. От всех тревог, страхов, переживаний и слез этого дня Рут вдруг поддалась желанию на миг прикрыть глаза.

И уснула.

Лайм нашел Рут на рассвете, спящей все так же, полусидя, с опущенной Мику на грудь головой. Он осторожно потрогал бывшую даллу за плечо.

Не понимая, где находится, Рут с трудом разлепила глаза, ощущая только холод и жгучую боль в затекшей шее.

Холод. Рут вздрогнула, сна как не бывало. От кожи Мика больше не исходил жар.

В горле встал ком. Она подняла взгляд на Лайма, не решаясь задать вопрос. Ледяные руки и ноги отказывались слушаться.

– Просто жар спал, Рут. – Лайм всегда понимал ее страхи без слов. – Ему лучше. Ты, похоже, и без Земли прекрасно справишься.

* * *

– Я не буду это пить!

– Еще как будешь! – Рут сдержалась, чтобы не топнуть ногой. На третий день уже сделалось совершенно непонятно, что все-таки сложнее – умирать от страха у постели бесчувственного Мика или же терпеть его выздоравливающим.

– А вот и нет.

– А вот и да!

– Я хочу нормальной еды! Я почти здоров!

– А я хочу, чтобы ты перестал канючить и трепать Рут нервы, но вот, смотри-ка, мы оба здесь, имеем что имеем, – Лайм поставил на прикроватный столик чашку с крепким бульоном, в который он только что добавил несколько ложек сушеных перемолотых трав.

Запах и впрямь стоял своеобразный, но все же и не настолько ужасный, чтобы Мику вести себя подобным образом. Не имея возможности исцелять творениями, приходилось идти

и на такие вот меры. Не самые худшие, надо сказать, у них хотя бы имелось все необходимое. А Мику требовались силы, чтобы встать на ноги.

Рут подошла к окну и приоткрыла створку, подперев ту стопкой потрепанных книг. Ей самой не слишком нравилось так обращаться с найденным в здешней библиотеке, но у этих томов страницы были изгрызены жучком и разлетались во все стороны, стоило взять в руки ссохшийся переплет. А так хоть на что-то сгодились.

Хлынувший в комнату весенний ветер немного разогнал тяжелый дух болезни и снадобий. Рут давно заметила, что у любого нездоровья есть свой прелый, горьковатый запах, от которого очень быстро делается тоскливо.

Почти так же тоскливо, как от разговоров про исчезнувшую Землю. Мик от этих бесед впадал в мрачную раздражительность, из-за которой находиться рядом с ним становилось совсем невозможно. Рут же было жутко думать, насколько они все беззащитны теперь, и она хваталась за любое дело, лишь бы прогнать подальше такие мысли.

Она попыталась прибраться в этой комнате, памятуя заветы Листвиев о том, что выздоровлению нужны чистота и свежий воздух. Кай своими творениями даже помог ей привести в порядок полы, но грязь въелась в трещины паркета слишком глубоко. Рут вымела углы, просушила во дворе одеяла, протерла стекла и подоконники. Без сожаления выкинула из шкафа и прикроватного столика заплесневелый тряпичный хлам. Здесь и правда стало куда приятнее находиться, и Рут уже много раз задалась вопросом, почему же не сделала всего этого раньше.

Она спала на жесткой расшатанной кушетке перед очагом: у Мика каждую ночь по-прежнему начинался сильный жар. Он бредил, и Рут по несколько раз вставала, чтобы дать ему целебного настоя и убедиться, что после этого стало легче.

От недосыпа дневные капризы Мика казались еще невыносимее. Она бы уже точно звывала, если бы не помощь Лайма.

– Мик, ты пока очень слаб. – Рут глубоко вдохнула и выдохнула.

С Землей или нет, она остается целительницей, и терпеливость в этом ремесле – одна из главных добродетелей.

– И наберусь сил от нормальной еды куда быстрее.

– Снова начался жар, – Рут притронулась к горячему лбу. – От бульона с травами станет легче. А другая пища, увы, пока тяжеловата для тебя в таком состоянии.

– Рут, ерунда, мне уже хорошо! Хоть плясать могу! – он сел, опираясь спиной на изголовье, и скрестил руки на груди.

– А вот эта твоя идея вчера обернулась тем, что мы поднимали тебя с пола, – уточнил Лайм. – Ты, знаешь ли, не пушинка, можешь у Кая спросить.

Мик зло посмотрел на него и откинулся на подушки. Напоминания о собственной слабости он воспринимал как смертельное оскорбление. Рут, в свою очередь, считала, что даже пораженческий подход помог бы Мику больше, чем бесконечное стремление в бой. Она прекрасно знала, как важен для исцеления настрой больного, но желание дала ускорить собственное выздоровление больше напоминало попытки самоубийства.

– Пей.

– Нет. Это отвратительно.

В дверь постучали.

– Мы не закончили, Мик. – Рут уже была близка к тому, чтобы попросить Лайма подержать дала, пока она силой будет вливать в него этот проклятый бульон. – Войдите!

На пороге стоял Кай. В руках у него была чашка, от которой исходил густой ароматный пар.

– Вот, помогал с уборкой на кухне после обеда и наткнулся. Мирра сказала, что это вы, скорее всего, забыли. Попросила занести.

– Очередная отравка! – обреченно выдал Мик. – Впрочем, от тебя иного и не ждал...

– Мик, следи, будь добр, хоть иногда, хоть немного, за тем, что ты мелешь! – Рут очень, очень устала. – Если бы не Кай, ты бы сейчас мертвым на морском дне лежал. Мне за тебя стыдно.

– А я не просил меня спасать. Лучше бы он вовремя рот свой раскрыл и так бы целую страну спас.

Рут даже не нашлась что ответить. Чашка покачнулась в руке Кая, напиток выплеснулся ему на кисть. В тишине он молча опустил отвар на прикроватный столик, достал из кармана платок и вытер пальцы. И наконец произнес:

– Видимо, и правда не стоило спасать. Поверь, я и сам уже успел много раз пожалеть.

– Страдалец.

– Выскажусь за нас троих: без сознания ты нам всем больше нравился, – Лайм, чье терпение тоже подходило к концу, прожигал Мика недовольным взглядом.

– Мне ты вообще никаким не нравишься, – парировал тот. – И отвары твои тоже.

У Рут раскалывалась голова. Нужен был срочный перерыв.

– Как же вы мне надоели!

Она оглядела их по очереди. Мик, по-прежнему скрестив руки на груди, перебрасывался полными ненависти взглядами с Каем и Лаймом. Каю, судя по его виду, стоило труда не начать кидаться посудой. Лайм же, кажется, был готов нарушить все заповеди целительства и хорошенько стукнуть больного.

– Пойду, пожалуй, на полдня прогуляться в город и подыщу вам троим няньку постарше и поопытнее. Будет следить, чтобы вы нормально питались.

Она в упор посмотрела на Мика.

– Чтобы не дрались и не задирались.

Перевела взгляд на Кая с Лаймом.

– Если повезет, она даже, может, отмоет вас хорошенько, переоденет в чистое, расчешет и приведет в порядок, наконец, вот здорово будет!

Она взглянула на одежду и небрежные прически Лайма и Мика.

– Отменная порка тоже бы не помешала, честно говоря.

Еще один гневный взгляд, адресованный всем троим.

Не дожидаясь ответа, Рут поскорее вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. Пусть разбираются сами, да даже если и поубивают друг друга – она хоть выпитися наконец.

Рут, кажется, сейчас очень нужна была чашка горячего отвара на кухне у Мирры. И по меньшей мере пять минут тишины.

***1010 год от сотворения Свода, 30-
й день третьего весеннего отрезка
Элемента, Предел***

Кай

Не веди себя Мик настолько безобразно, Кай бы, наверно, его искренне жалел.

Даже со стороны было трудно наблюдать за тем, как человек, привыкший полностью полагаться на свою силу, теперь и по дому-то передвигается, тяжело опираясь на плечо Лайма или Рут и держась второй рукой за грудь. Как беспомощно сама Рут всякий раз прячет ладони, когда, забывшись, пытается сотворить для Мика хоть одно облегчающее боль творение. Даже Ярт, при всей его выдержке, и тот избегал встречаться с ними взглядом.

Они все уже не раз собирались, чтобы обсудить, что делать дальше, раз след Пятой, кажется, и правда утерян. Путь Рыся в год первой себерийской войны Мику хорошо был известен: его отец летал в Край Ветра и обратно, но вот только Кай сам наведывался в дома, где останавливался Рысь, и никакая Пятая там однозначно не укрывалась.

Ярт распекал и себя, и их троих за решение вот так отправиться в Тюрьмы, но теперь уже ничего не изменишь. Рут раз за разом повторяла, успокаивая себя и остальных, что Земля в любом случае исчезла бы, но утешительного в этом все равно оказалось мало. Кай, как, скорее всего, и остальные, слыша эти слова, думал, что при ином раскладе хоть Мик остался бы цел. Но едва ли кто-то решился бы произнести это вслух в его присутствии. Беспомощность давалась ему тяжелее всех прочих испытаний – к лицу намертво приклеилась гримаса раздражения и затаенной боли. Кай слишком хорошо знал, каково это – в один миг очутиться слабым, полностью зависящим от других даже в самых простых мелочах. Ему и самому хотелось умереть в Себерии всякий раз, когда Дарине приходилось поправлять ему шнурки или помогать переодеться после очередной опрокинутой на себя кружки. Кай мог поклясться Мику: когда все это продельвается с добротой и участием – а уж их у Рут хватало сполна, – в этих действиях на самом деле нет и тени кажущегося унижения. Вот только к Мику и подходить-то лишний раз не было ни малейшего желания.

Никто так и не решил, что нужно предпринять. К Тюрьмам теперь даже приближаться нельзя, воевать здесь не с кем, да у них бы и не хватило сил. Мятежники делились припасами, и проблемы голода и отсутствия крыши над головой пока не стояли, но о безопасности не шло и речи. Все, что у них осталось, – это заряженные огнестрелы и острые клыки зверозубов. Слишком мало, чтобы чувствовать спокойствие в нынешнем Пределе. Кай вновь начал плохо спать по ночам. Где-то в этом городе, совсем рядом, его поджидали и жаждали поглотить обратно сырые провалы тюремных камер, здесь же находились и отец, и Майя, и прежние сослуживцы, отчаянно желавшие его смерти. Мучительное дневное безделье сеяло в мыслях все больше страха и бессилия, он старался занять себя, как только мог, – помогал с уборкой, перерыл от нечего делать старую библиотеку, тренировался с солдатами Ярта. Но успокоения не находил. Ведь в Кае осталось так мало Стихии, слабой, зыбкой, ненадежной. Ему невыносимо нужна была Дарина – по миллиону причин сразу.

Он уже сотни раз задавался вопросом о том, есть ли вообще какой-то смысл конкретно ему находиться тут, и порывался поговорить об этом с Яртом, но останавливал себя. Кай чувствовал, что здесь он сейчас нужнее, чем у Храма, и улетать пока рано.

Не только ему одному последние дни давались все тяжелее. Каждый раз, встречаясь с Рут, Кай отмечал, насколько тусклым и измученным сделался ее взгляд. Рут больше никому не

улыбалась и даже на бесконечные придирки Мика ко всем окружающим перестала реагировать. Просто делала все как во сне, и это состояние Кай тоже прекрасно понимал. Он был бы счастлив как-то поддержать и ее – хотя бы за все те разы, что она заступалась за него перед Миком, – но никак не мог решиться. Да и делать это в присутствии Мика Кай бы точно не стал, а одна Рут почти не оставалась.

И все-таки она сама дала Каю шанс, постучавшись одним утром к нему в комнату после завтрака.

– Я хочу слетать в Дубы, – тихо объяснила Рут, не глядя на Кая. – Едва ли нас кто-то будет поджидать. Может, там отыщется какая-нибудь годная одежда, ну или что-то еще... Что-то, способное его поддержать, – почти неслышно закончила она.

– Так. – Кай не очень понимал, как на все это реагировать.

– Слетаешь со мной? Там, в Тюрьмах, мы смогли вместе обороняться. Надеюсь, в Дубах не придется, но все же... Ласка согласилась нас отвезти, Лайм присмотрит за Миком. Если ты, конечно, не занят.

– Нет, я свободен. – Кай не до конца разобрался, почему Рут обратилась именно к нему, но не посмел отказать.

Они летели молча. Измученная Рут, кажется, задремала, а Кай этому только радовался. Она была, может, самым мягкосердечным человеком из всех, кого он встречал, но Кай решительно не понимал, о чем они вдвоем могли бы разговаривать. Заготовленные слова утешения вдруг показались невыносимо напыщенными и неуместными.

– Прилетели, – не оборачиваясь, объявила Ласка. – Жду тут.

– Хочешь, поищу что-нибудь в твоей бывшей комнате? – спросила Рут.

– Не надо, – отрезала Ласка, будто оплеуху отвесила. Рут даже не вздрогнула.

Дубы производили ужасающее впечатление. Они все многого навиделись за последние месяцы, но разрушение и неведомая Каю гниль словно пропитали насквозь бывший дом Мика. Сад от этой хвори почернел и осыпался, нигде не было ни одного зеленого ростка, только голые, словно выжженные ветки – может, тут и правда кто-то устраивал поджоги. Особняк не просто опустел – из него будто с мясом вырвали и сердце, и душу.

Рут замерла у отсутствующих ворот. Кай знал, что она не помнила, как жила тут. Но сам-то он и вовсе был здесь впервые, а заходить все равно не хотелось.

– Можем вернуться обратно, – предложил он. – Не думаю, что в этом месте реально отыскать что-то путное.

– Да нет, пойдем, раз уж прилетели, – Рут задумчиво рассматривала длинное грязное ругательство, написанное краской на одной из стен.

Черные зрачки выбитых окон наблюдали за ними со слепой ненавистью. Темнота глаз Рут была совсем иной.

– Ну тогда вперед. Честно, не хотелось бы все это затягивать.

Рут кивнула.

Даже тропинка под ногами, ведущая к дому, выглядела какой-то неправильной – словно эту землю не только вытоптали, а еще и навеки отравили, лишили способности дать жизнь хоть одному ростку.

Внутри особняк оказался ровно таким, как и ожидал Кай. Пусто, темно; все, что могло быть унесено, давно разграблено. Кай замер у лестницы, ведущей на второй этаж, в спальни.

– Я тут подожду, ладно? – ему почему-то ужасно не хотелось видеть комнату Мика, особенно вот такой, отравленной этой тьмой. – Я услышу; если что, зови. Поосторожнее на ступеньках, хорошо? Выглядят совсем обветшавшими. Словно тут не один год никто не жил, а целый век.

Рут управилась быстро. Сумка, которую она прихватила с собой, заметно распухла.

– Нашла, как ни странно, пару своих платьев, еще из прошлого дома, даже не знаю, почему до них никто не добрался, – пояснила Рут, проследив за взглядом Кая. – И одну нарядную рубашку Мика, надо будет только немного почистить и залатать. А еще альбом со старыми семейными карточками. На остальное смотреть жалко. Пойдем. Безумно хочется поскорее вернуться.

По пути обратно Рут вдруг повернулась к Каю и уставилась на него в упор. Он видел два своих маленьких отражения в ее черных глянцевых глазах, и от этого делалось неуютно и жутковато. Кай подумал, что из них всех Рут единственная выглядит гораздо старше своих лет. Дарина, с ее вечной растрепанностью и угловатостью, временами казалась сущим подростком; на нем самом, Мике, Лайме и Мирре произошедшее, конечно, тоже оставило след, но все же они и вели себя, и смотрелись на свой возраст (порой, положив руку на сердце, и сильно глупее и моложе). А вот в Рут иногда мелькало что-то не просто неуловимо зрелое, но почти что отжившее, старушечье. И дело было не только во внешности. Даже, пожалуй, в последнюю очередь именно в ней.

– Знаешь, – Рут достала расшитую рубашку Мика и теперь вертела в руках ворот, побитый молю, – когда все это случилось с тобой там, в Себерии... Ты в принципе не из болтливых, во всяком случае со всеми нами. А тогда вообще будто не только зрения, но и языка лишился. Я постоянно смотрела, как Дарина пытается тебя растормошить и разговорить, как эти попытки были бесполезны, и про себя жалела не только тебя, но и ее. Трудно все это. Но, оказывается, такое вот молчание – еще далеко не самое тяжелое.

Кай задумался. Ему не нравилось, к чему шел разговор, но Рут, видимо, очень хотелось хоть с кем-то поделиться своими мыслями. С кем-то, кто бы действительно понял. Кай пырвался объяснить Рут, что Мик попросту неблагодарный, тупоголовый... Но такие выражения он использовать все-таки не стал, пусть они и казались ему более чем справедливыми. Нужные фразы подобрались не сразу.

– Клянусь, Рут, он признателен тебе. Куда сильнее, чем показывает и чем ты можешь представить. И нуждается в тебе, как никогда раньше. Я точно это знаю. А если не может найти для этого верных слов – ну, значит, все-таки в чем-то мы с ним немного похожи. Не говори ему, что я так сказал! – поспешно добавил Кай. – А по поводу того, что Мик вместо этого без конца болтает очень много лишнего, – знаешь, кажется, весь дом уже мечтает, чтобы к нам вернулась Земля и ты была способна вновь наложить творение немоты. Достойная у Бартена появилась конкуренция в плане совершенно несносных речей, он даже, по-моему, ревнует немного. Но Мик-то и до болезни особой сдержанностью не отличался.

Рут вытащила ярко-алую ниточку из вышивки, изображавшей язычок пламени. Повертела в пальцах, приложила обратно и наконец смахнула. Так, как прежде, уже точно не расшить.

– Ты прав.

1010 год от сотворения Свода, 2- й день первого летнего отрезка Элемента, Высокий Храм

Кора

– Пожалуйста. Я последний раз умоляла тебя много лет назад, и тогда ты сохранил жизнь этому бездарю Бартену. И вот теперь обращаюсь за помощью вновь. Не слишком часто, правда?

– То, о чем ты просишь, невысказано, – сухо ответил Коршун. – Мне, к слову, и тогда не стоило идти у тебя на поводу – посмотреть, во что это вылилось.

«В то, что в этой стране наконец что-то поменяется к лучшему», – подумала Кора, но ничего не сказала.

– А сейчас ты хочешь пойти против Куницы. Страшно подумать, какие последствия будут на этот раз.

– Хотя бы уведем детей, умоляю. Здесь начнется бойня.

– Теперь, когда ты все рассказала, я смогу помешать этой бойне случиться.

Кора вздохнула.

– Не сможешь. Уже не сможешь.

Этим утром она пришла к Высокому Храму, чтобы, как обычно, связаться с Дариной, но услышала лишь ее вскрик, а потом – только тишину. Казалось, на нужные им ветра ушли последние крохи сил. И Дарина больше не способна сопротивляться и укрывать свои мысли.

– Там в партию вступили такие игроки, с которыми ни ты, ни я не в состоянии тягаться. Но прошу тебя: можно хотя бы попытаться пойти по пути малой крови. Эта девочка... Она правда очень многое уже сделала для Элементы. И сделает еще больше. А у тебя к тому же есть шанс сберечь жизнь Иво.

Кора знала: Коршун растил служку словно собственного сына, которого у него никогда не было. Он, как и Тесей когда-то, в итоге неминуемо проникся простотой, искренностью, преданностью и добротой Иво. И доверчивой беззащитностью.

Видят Четыре, старческая сентиментальность и саму Кору, и Коршуна в могилу сведет.

– Иво втянут в это по самые уши. Не сможешь – ему конец.

Коршун смотрел не мигая.

– Мы ведь с тобой уже столько сделали для этой страны, Коршун. Давай постараемся еще немного.

* * *

Она вышла как раз вовремя, чтобы увидеть на горизонте в чистом небе далекие точки приближающихся кораблей. Сердце забило чаще. Выбросок успел.

Кора на миг замерла, невольно радуясь зрелищу, а потом изо всех сил заспешила к ученикам. Когда Коршун приступит к делу, они все должны быть собраны и готовы.

Навстречу торопилась улыбающаяся Куница с семенящим за ней этим ее ходячим ужасом. Огромный лысый детина спотыкался и то и дело наступал хозяйке на пятки, но Куница не убавляла шагу и не оборачивалась.

Кора вновь едва сдержала облегченный вздох и как можно учтивее поздоровалась.

Ловушка Коршуна сработала. Он, рискуя своим сознанием, дотянулся до разума ужасного существа и уведет их с Куницей подальше. И от детей, и от Дарины.

Чем это может кончиться для самого Коршуна, Кора запретила себе думать. Теперь ей предстояло помочь ученикам укрыться.

Они все сидели в столовой – неожиданно притихшие, взволнованные, с растерянными лицами. К окрикам Кору дети давно привыкли, а вот к тихому, дрожащему, испуганному, но по-прежнему строгому голосу – совершенно нет.

Маленькая Лита жалась к своему лучшему другу, худенькому веснушчатому мальчику на пару лет постарше. Он сжимал ее руку и затравленно озирался.

– Тут совсем недалеко, – как можно спокойнее сказала им Кора. – Разбейтесь по парам и крепко держитесь друг за друга, что бы ни случилось. Приглядывай за ними всеми, – обратилась она к старшему из учеников, который через пару месяцев готовился вступить в ряды чтящих.

Он кивнул дергано и нервно, будто ему в затылок прилетел острый камушек.

– Идем.

Кора отвела их в дальний заброшенный хлев. Когда-то тут держали овец, рядом находился выпас, но потом со стадом случился мор, пастух скончался от старости, а Коршун вскоре приказал выстроить новый хлев, больше и ближе к поселению.

Тут было грязновато, но деревянное здание успело хоть немного прогреться. Сквозь дыру в крыше заглядывали веселые солнечные лучи.

Кора вздохнула и осмотрелась. Никогда прежде – ни разу в жизни – ей настолько не хотелось расставаться со своими подопечными. Но Дарине она сейчас нужна больше.

Подчинившись внезапному порыву, Кора опустилась на колени перед Литой и крепко расцеловала в обе щеки. Малышка, прекрасно чувствующая всеобщее настроение, обвила тонкими руками шею наставницы.

– Присмотри тут за порядком, ладно, милая?

Лита кивнула.

Кора напоследок оглядела учеников. Они бывали лентяями, грубиянами, невыносимыми неряхами, но все же куда чаще – добрыми, честными и смелыми ребятами. Кивнув, Кора развернулась и вышла.

По ощущениям, сердце ее осталось в старом хлеву.

* * *

Кора поднесла ладонь ко лбу, чтобы солнце не мешало видеть приближающиеся корабли. Ветер в последние дни был такой, что щеки у нее стали красными и сухими, и их теперь обжигало свежим утренним воздухом. Трава искрилась инеем внезапных и очень поздних заморозков.

Коре хотелось немного успокоиться и убедиться, что хотя бы тут все идет как надо.

Но не получилось.

К разномастным парусам кораблей мятежников, несомненно вызванных Вьюрком, чтобы разрушить Храм, присоединились ярко-алые, с большими черными крыльями, нарисованными на них. Корабли цензоров.

Уничтожить Храм, освободив тем самым Воздух и Дарину, теперь будет не так-то просто.

Куница оказалась далеко не так глупа, как они надеялись. И из Высокого Храма в Элементу отправились не только письма, составленные Вьюрком.

И ветра, созданные Дариной, помогли и вражеским кораблям тоже.

***1010 год от сотворения Свода, 2-
й день первого летнего отрезка
Элемента, Высокий Храм***

Коршун

С возвышения отлично просматривался Храм и все поселение. Коршун, поплотнее запахнув на продувном ветру форменную куртку, терпеливо ждал.

Он тянул за мысленную связь, как за ниточку, позволяя проникнуть в свое сознание полностью, заполнить каждый уголок этой сочащейся, дурно пахнущей гнилью. Приманка, на которую Куница тварь не сможет не клюнуть.

Теперь уже совсем недолго.

Если не останется Храма, не останется поселения вокруг, школы, где они столько лет обучали чтящих, то, может, и самого Коршуна в этом мире ничто больше не будет держать.

Но он продолжит цепляться до последнего.

Корабли, словно стервятники к труп, слетались к громадине Храма. Их экипажам понадобится время, чтобы понять: они по разные стороны баррикад.

А он выиграет бесценные минуты для Кору и Дарины.

Коршун поймал себя на мысли, что почти счастлив оттого, что ему, возможно, не придется видеть, как в случае успеха Храм падет. Это выше его сил.

Ведущая сюда дорога спускалась резко, так что он сначала услышал шаги, а потом уже увидел пришедших. Первой показалась светлая стриженная голова Куницы. Следом – лысая, с белесыми незрячими глазами.

Кора предлагала ведь попробовать и иные пути – застрелить, утопить, удушить. Но эта тварь чувствовала подобные намерения издалека и не замедлила бы рассказать Кунице. Другое дело – обманом дать ему то, чего он так желал: власть над разумом Коршуна. И тем самым не дать разрушить сознание Дарины.

Так, правда, и самому обезуметь и умереть недолго.

Коршун не позволил себе вздрогнуть. Он притянул мысленную связь сильнее – будто брал собаку на короткий поводок.

Куница поднялась и недоуменно уставилась на него.

Коршун выдавил улыбку – едкую, победную, может статься, последнюю радость, что он позволит себе. Он не сдался. Дело Тесея продолжится, оно не мертво. Он столько лет берег этих людей и этот Храм – кажется, что вот именно ради такого момента.

Куница сделала шаг вперед: тварь, убежденная, что наконец-то добралась до сокровенных тайн Коршуна, вела ее за собой. Коршун расправил плечи. Ему вдруг показалось, что имя, данное ему при рождении, обрело над ним небывалую власть – и, стоит немного напрячься, он расправит крылья и улетит с этого поросшего буйной зеленью холма туда, в самое синее из небес.

Он притянул мысленную связь еще. И еще немного. Коршун знал, что нужно сделать, хотя никогда не применял это знание на практике. В нем даже шевельнулось слабое любопытство исследователя, первооткрывателя.

Вьюрок позаботится об Иво. Брат любит его, как никто другой, и уж на него можно положиться.

Кора позаботится о детях.

Дарина позаботится об Элементах.

А он должен дать им шанс проявить эту заботу. Если Куница сейчас помешает Дарине призывать ветра, если доберется до ее разума и откроются секреты мятежников – все окажется зря.

Существо попыталось напасть и уничтожить, но он приготовился к этой атаке и знал, что нужно сделать.

И в ту же секунду Коршун притянул мысленную связь с существом на невероятную близость, слил их сознания в одно, смешал свой рассудок с илистой, протухшей водой иного сознания, преодолевая тошноту и омерзение, сделал последнее усилие – и уничтожил чужой разум, все воспоминания, саму жизнь. Существо взревело и осело, будто полупустой мешок соломы. Теперь это была лишь полая оболочка.

Падая на колени, Коршун слышал громкий крик – Куница перешла на визг, ощущая, что болезненно теряет связь со своим отвратительным слугой. Ей понадобится время, чтобы понять, что произошло.

Коршун выставил руки вперед и упал лицом вниз. Он выстоял. Тварь не сломала его. Сознание расплывалось, утекало, впитывалось в землю, но все же не исчезало. Коршун сопротивлялся как мог. Тварь теперь не сумеет добраться до Дарины. Осталось дожидаться Кору.

Перед тем как лишиться чувств, Коршун увидел – почему-то вдруг совсем близко – бьющиеся стекла Высокого Храма. Темница, сдерживающая столетиями Воздух, переживала свои последние секунды.

С одних кораблей в нее летело все – камни, шквальный огонь, снаряды. А другие уже принялись нападать на этот разномастный флот.

***1010 год от сотворения Свода, 2-
й день первого летнего отрезка
Элемента, Высокий Храм***

Дарина

Было невыносимо трудно дышать: голова все время кружилась, темнота вокруг ощущалась так, будто Дарина летит в ужасную пропасть и на дне воздуха не останется совсем.

Она изо всех сил уцепилась за эту мысль: Воздух. Их скоро освободят. Ей только надо упрятать свои мысли понадежнее. И продолжать звать ветер. И ждать.

Мир закрутился вокруг, вспыхнул белым, погас, загудел, умолк. Она вновь забыла, где находится и почему здесь оказалась.

«Тюрьмы», – обреченно пронеслось в голове. Она снова в Тюрьмах, и скоро придут ее казнить. В животе сделалось холодно от накатившего страха. Чувство отдаленно напоминало голод, но Дарина, кажется, окончательно забыла вкус еды.

Кто-то звал ее. Она не могла понять, кто именно, и не знала, как ответить. Из горла давно уже не вырывались даже сильные хрипы, как это бывало прежде. То, что поддерживало в ней жизнь, кажется, и само умирало.

«Смерть», – подумала Дарина безучастно. Смерть стала бы избавлением, все бы кончилось.

Ледяной узел в животе стянулся туже. А что, если она уже умерла и так теперь останется навсегда?

«Дарина, девочка, ну же, откликнись».

Этот голос был хороший. Теплый. Живой.

Дарина попыталась вспомнить, что ей нужно сделать. От неудачи по щекам покатались слезы. Она не знала, как ответить.

«Дарина, уже совсем чуть-чуть. Они уже рушат Храм. Давай же. Призови ее. Помоги нам».

А кто поможет мне? Дарина не знала, как попросить, чтобы ее услышали, но мысль эта ранила. У нее не осталось сил, совсем.

«Хорошая моя, ну же, последний рывок. Одной тюрьме тебя не удалось сломить, не позволяй и этой».

Тюрьма. Так вот что это было. Не смерть. Тюрьма.

«Зови Воздух, ну же! Они уже начали сбивать наши корабли».

У нас есть корабли? Если так, почему же я все еще здесь? Почему они не увезли меня? В этих вопросах крылось много боли.

А мысли сделались мокрым песком. Сколько ни сжимай их в руках, все равно рассыплются.

«Дарина, ну же, пожалуйста! Я вижу в уцелевшее окно, сюда идет Куница! А меня, если все так продолжится, просто придавит обломками».

Куница. Какое хищное, злое слово. С ним в жизнь Дарины когда-то пришло огромное страдание.

Жизнь. У нее все еще есть жизнь. За жизнь всегда нужно бороться.

«Зови Воздух! Рушьте Храм, помогите нам!»

Она не понимала почему, но вдруг четко осознала: Храм обязательно должен быть разрушен. Она клялась. Дарина не помнила, кто именно, но она точно знала: кто-то ждет ее снаружи. И ей пора выходить.

Из последних сил – каждая мышца в теле напряглась, каждый сустав жгло, последний глоток воздуха покинул легкие, темнота вокруг стала ярко-алой, и глаза опалило огнем – она все же разомкнула губы.

И призвала Воздух разрушать.

Грохот оглушил ее.

На этот раз Дарина и правда падала: мир вокруг оказался до тошноты реальный, в нем были краски, звуки, холод, свет. Ее собственное тело сделалось жутко худым – будто одни только кости и остались, – но все же достаточно тяжелым, чтобы стремительно нестись вниз.

«Вот теперь я точно умру», – промелькнуло в голове, и в этой мысли звучало невыразимо много боли. Дарина в одну секунду вспомнила дом, семью, Кая, Литу – и поняла, как невыносимо будет все это потерять.

Пол внизу устлал осколки стекла, каменное крошево, обломки кораблей. Дарина умерла бы мгновенно, не подхвати ее кто-то у самой земли. Объятия были невесомыми, но очень надежными.

Она едва удержалась на дрожащих ногах и обернулась. Позади, освещая все вокруг слепящим белым сиянием, стояла удивительная незнакомка – парящая, будто бесплотная, и одновременно мощная, как сама твердь горы, вечная, огромная, невероятно прекрасная, не будь ее лицо искажено таким жутким негодованием. Вся сплошь сотканная из белизны – лицо, волосы, одеяние, глаза... Это она не дала Дарине упасть, и ей хорошо было известно имя этого существа.

Стихия пробудилась. Воздух теперь тут.

«Так вот ты какая!» – восхищенно подумала Дарина. Вот кто удерживал ее в плену все эти нескончаемые дни.

Невозможно было представить, что подобное создание тоже когда-то удалось пленить.

Новые объятия чуть не сшибли Дарину с ног. На этот раз они были неуклюжими, человеческими, такими горячими и порывистыми, что у Дарины тут же полились слезы из глаз. Настоящие, искренние слезы.

– Дарина, девочка, умница, – все приговаривала Кора, глядя ее по голове совсем как Литу. – Ты смогла. Смогла.

– Стоять! – послышался вопль за их спинами.

Дарина обернулась. Ответный крик застрял в горле: она вспомнила в тот момент о каждой камере в Водных тюрьмах, о Фламе, Элли, Трое, об ужасной себерийской войне, – и все же хотела заорать: «Берегись!» Но отчего-то не смогла.

И секундное это промедление стоило главному цензору Элементы жизни. Слепленная яростью, Куница не увидела, как огромный, поднятый Воздухом острый кусок стекла несется прямо к тому месту, где стояла она.

Дарина застыла. Кора замерла рядом с открытым ртом.

– Идем! – она очнулась первая. – Громят наши корабли.

Не смея обернуться, Дарина кинулась прочь из рушащегося Храма. Летящие в них с Корой осколки отводились решительной рукой Воздуха. Уж жизни Дарины и Кору в этой бойне точно будут спасены.

Дарина выбежала наружу и все никак не могла надышаться, чувствуя, что нет в жизни ничего прекраснее слепящего света, и зеленой травы, и холодного свежего ветра. Но эта радость длилась недолго.

Воздух встала у нее за спиной, Дарине не надо было оборачиваться, чтобы почувствовать это. И она знала, что нужно делать. Взмахнув рукой, Дарина указала на вражеские корабли.

Ей уже приходилось убивать в себерийской войне, и не раз, и Дарина горько раскаивалась в каждом из этих решений. Большую часть времени размышлять о таких вещах было просто выше ее сил, и никакие оправдания, что ведь они с Каем спасали свои жизни, не работали. Смерть есть смерть, убийство есть убийство.

Но теперь уничтожала словно не она сама. Дарина являлась орудием, почти без собственной воли – она могла только чувствовать, как потоки разрушительных вихрей непрестанно несутся из ее ладоней, но при всем желании не была способна противиться.

И она снова спасала этим кровопролитием жизни – себе, Коре, детям и остальным чтящим.

Глаза слепило от пыли, уши заложило грохотом, кошмарным треском и – самое худшее – стонами умирающих. Воздух не щадила никого. Корабли были будто бумажными игрушками из детства Дарины – они с Фламом пускали их по весеннему ручью, а соседские мальчишки, вечные обидчики, из вредности целились камнями в хлипкие суденышки, пытаясь потопить.

Дарина зажмурилась. Она совсем продрогла в тонкой рубашке на ледяном ветру.

Воздух никак не могла успокоиться. Повсюду – минуя Дарину с Корой – летели остатки того, что когда-то было Высоким Храмом. Воздух хватала огромные каменные обломки – и швыряла в корабли. Измельчала стекло в пыль. Гнула металл.

Кто-то крепко сжал ладони Дарины и с силой дернул вниз. Она открыла глаза. Напротив стояла рыдающая, белая от страха Кора.

– Остановитесь. В небе остались только наши корабли.

Воздух услышала Даринин призыв прекратить.

Глубоко вдохнув, она решилась осмотреться. Травы больше не было видно – каждый шаг оказался усыпан остатками Храма и обломками кораблей. Тут и там лежали трупы цензоров со свернутыми шеями. Дарину замутило и точно стошнило бы, будь в желудке хоть что-то. Тем острее ощущались болезненные спазмы, согнувшие ее пополам, и кислая горечь во рту.

Дарина наконец подняла голову и медленно обернулась. Воздух по-прежнему стояла неподвижно у нее за спиной, лицо Стихии искажал все тот же смертоносный гнев.

Уцелевшие корабли один за одним стали опускаться прямо на обломки Храма. Из них выходили люди – бледные, трясущиеся, некоторых, как Дарину, выворачивало наизнанку.

Никто не решался говорить. Даже ветер стих. Дарине столько надо было спросить у Кору – про Литу, Кая, Иво, про все то, что случилось здесь, пока она находилась в плену. Но сил совершенно не осталось.

И тут в наступившей тишине раздался новый ужасающий вопль, так хорошо ей знакомый.

* * *

Дарина мчалась через обломки, спотыкаясь, падая, преодолевая ужасную сверлящую боль в висках. Перед глазами мелькали черные и бурые пятна, локти и колени сбились до мяса, она порвала рубашку и теперь придерживала одной рукой лоскут ткани, иначе бежать пришлось бы почти по пояс голой.

Дарина даже не знала дороги, но все неслась на этот крик, ведомая им. Следом, кляня ее на чем свет и умоляя замедлиться, торопилась Кора.

Про Воздух Дарина теперь и вовсе забыла.

...Она ворвалась в этот сарай, едва не проломив собой на бегу ветхую деревянную дверь. Ученики стояли зажмурившись, заткнув уши. От боли их лица уже были иссиня-бледными.

– Лита! – сорвавшимся голосом заорала Дарина.

Лита, кричавшая из угла, кинулась к ней на шею и вцепилась руками, ногами, ногтями, словно одичавший зверек, разве что зубами в плечо не впилась. Вопль прекратился. Дарина сжала ее со всей силой, со всем страхом за ее и свою жизнь, всей тоской, любовью, радостью,

на которую только была способна. Слезы лились на плачущую Литу, капали в прореху порвавшейся рубашки и щекотали голую кожу. Дарина рыдала громче самой Литы и все повторяла сквозь всхлипы, не в силах остановиться, словно и сама только осознала наконец:

– Я тут, малышка. Все будет хорошо. Я теперь тут. Тут. Тут.

1010 год от сотворения Свода, 4- й день первого летнего отрезка Элемента, путь к Пределу

Дарина

Лита заворочалась и попыталась улечься поудобнее, пробормотав что-то недовольное сквозь сон. Ей определенно было не особенно здорово дремать вот так, на руках у Дарины, но малышка упорно отказывалась упускать ее из виду (вот и сейчас ни за что не согласилась слезть с колен и лечь нормально). Словно это было возмездие за долгие дни одиночества – теперь приходилось есть, спать и заниматься вообще любыми делами в этой неизменной компании.

Дарина вздохнула и постаралась осторожно переложить голову Литы. Собственные ключицы после долгих дней в плену выступали еще сильнее, чем прежде, она самой себе казалась сущим мешком с костями, хоть и ела за троих. Всю одежду приходилось туго подпоясывать, чтобы не спадала. В то время как Лита, стараниями Кору превратившаяся в румяного крепенького ребенка, каким ей и положено быть, весила теперь ощутимо больше. Долго удерживать ее на руках стало непросто.

Дарине уже не хватало Кору, и Иво, и Вьюрка, и даже Коршуна, которому Кора все-таки сумела помочь оклематься. Хотя они с Литой и остальными едва успели отлететь от Храма. *От того, что когда-то было Храмом*, мысленно поправилась Дарина. В эту же секунду Воздух издала полный торжества клич. Так случалось всякий раз, стоило Дарине вспомнить тот день. Стихия парила совсем рядом – берегла корабли, на которых они летели, и ни на миг не покидала сознания Дарины.

Кора и Коршун теперь заботятся о своих подопечных. Дарина прижала к себе Литу чуть крепче. Она тоже знала, каково это – отвечать за кого-то, кто слабее и полностью доверяет тебе. И ни секунды не осуждала Кору за решение остаться в Острых Хребтах, хоть в стане Мика очень пригодился бы такого опыта и силы мастер. Ей с учениками и без того придется туго – их дом теперь стерт с лица земли. Но они справятся. Если за дело взялась Кора, все точно будет хорошо. Именно этого Дарине сейчас страшно не хватало – упрямой уверенности, о которую разбились даже величественные стены Высокого Храма. Дарина никогда не видела, чтобы Лита плакала так, как при расставании с Корой, – по-взрослому, беззвучно, размазывая слезы ладошками по щекам. Дарина сама, как и Кора, очень быстро присоединилась и от души наревелась за компанию.

Иво и Вьюрок тоже остались помочь наставникам. К Храму, заподозрив неладное, наверняка нагрянут новые цензоры, и Иво не хотел покидать Кору и Коршуна, а Вьюрок – Иво. Он вызвался отвезти их всех – и Кору с Коршуном, и учеников, и Иво – туда, где мятежники смогут их укрыть. Вьюрок справится. Столько лет справлялся и не с таким. Без помощи их четверых так бы и умереть Дарине в страшной темнице, а Воздуху никогда не выбраться оттуда.

Дарина заерзала в старом кресле, затертом почти до дыр. Как Лита, несмотря на все неудобства, отказывалась слезать с рук Дарины, так и сама она не согласилась покидать Стрелу, хоть пилот и уговаривал ее всеми силами. Остальные корабли были новее, лучше, но чужие. А Стрелу ей подарила добрейшая, честная, преданная Ласка, которую Дарина мечтала увидеть вновь. На Стреле они с Каем улетели из Себерии, она спасла им жизнь на страшном пути к Высокому Храму, а до этого – Мику и Рут на смертельно опасной дороге из Предела. Стрела была ветхой, рассыпающейся, вредной старушенцией в мире кораблей, бухтящей по каждому

поводу. И если вещи способны на человеческую преданность, то Стрела – первейшее тому подтверждение.

От мыслей о человеческой преданности сделалось тоскливо. Дарина попробовала сосредоточиться на обычной, понятной физической боли в затекшем плече. Первые часы после освобождения ее это здорово спасало, радовало все: саднящие раны, сведенный голодом желудок, потрескавшиеся губы, ледяной сквозняк под рваной рубашкой. Дарина вновь была настоящей, в своем собственном теле, и каждое, даже самое мучительное тому подтверждение все равно ощущалось счастьем. Воздух по-прежнему пыталась вырвать ее к себе, утаить, растворить в могуществе пробужденной Стихии, но Дарина теперь крепко держалась за этот мир. Она нужна тут.

Мысль снова соскочила, всколыхнув мутную тоску в сердце. Воздух держалась за Дарину, а вот Кай не стал. Кора, Иво и Вьюрок рассказали ей во всех подробностях, как было дело, и в один голос просили не судить строго Кая. Дарина с улыбкой согласилась с ними, но в глубине души никак не могла успокоиться. Она бы на его месте нашла способ. Не сдалась так просто. Отыскала же путь, как проскочить вновь в Водные тюрьмы? Не осталась ведь в Себерии, с остальными, даже после предательства, а кинулась, сама не зная куда, с ним в это путешествие? Из-за которого и оказалась в жутком плену.

Дарина зажмурилась, чтобы прогнать поскорее обиду. Она мчится в Предел не к Каю. «Не только к нему», – все же мысленно поправилась она. Дарине представилось напряженное, встревоженное лицо далла, бесплодно ищущего ее под сводами Храма или стоящего в одиночку перед Миком и его армией, и на душе что-то мелко, но ощутимо заскребло. Она все-таки очень скучала. И волновалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.